

НАШИ • ТАМ

КОСМОопера

СЕРГЕЙ ПЛОТНИКОВ
ПРОПАВШАЯ

Космоопера

Сергей Плотников

Пропавшая

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Плотников С. А.

Пропавшая / С. А. Плотников — «Автор», 2016 — (Космоопера)

ISBN 978-5-227-06730-2

Шестнадцать лет счастливого брака, двое детей... Михаил знал, что его жена необычная женщина, но того, что она боевой офицер и дочь аристократа из могучей звёздной империи из другого измерения, он даже в страшном сне не мог представить! Увы, эти подробности прояснились только после того, как любимая таинственно исчезла. Единственная возможность сделать хоть что-то – воспользоваться найденной аварийной инструкцией к системе межмирового перемещения... и выяснить, что с той стороны переместившихся с распростёртыми объятиями никто не ждёт. Цивилизация, обогнавшая в развитии земную, оказалась ничуть не более приветлива к чужакам, чем наша, но и удача улыбается только тем, кто, несмотря ни на что, идёт к цели и не боится препятствий на пути. А цель у Михаила и его детей более чем достойная – спасти жену и мать их детей. Ну или хотя бы найти...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-06730-2

© Плотников С. А., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Пролог. Пропавшая	6
Часть первая. Точка невозвращения	17
1	17
2	20
3	24
4	26
5	28
6	30
7	32
8	35
9	37
Часть вторая. Бороться и искать[6]	39
10	39
11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Плотников

Пропавшая

© Плотников С. А., 2016

* * *

Пролог. Пропавшая

Свет фар уазика, скорее ползущего, чем едущего по раздолбанной таёжной «дороге» — колее, ежесекундно выхватывал из темноты всё новые и новые сказочно-нереальные картины: стволы лиственниц и сосен на чёрном фоне, как в калейдоскопе, на мгновение возникали только для того, чтобы вновь кануть во тьму, уступив место новому чудесному узору. В прыгающем конусе дальнего света то и дело мелькали горящие отражённым огнём глаза лесных обитателей, поодиночке, парами, а иногда целыми скоплениями-созвездиями. Навевающая сон картина. Что, не верите? Секрет очень прост. Последние трое суток я спал лишь короткими, меньше часа, урывками. Дети, Егорка и Василиса, дрыхли без задних ног. Их не смущали ни рывки машины, ни прерывистый рёв престарелого двигателя, уже забывшего, когда ему меняли глушитель, ни попадающие под колёса кочки и выбоины. Сын и дочь, в отличие от меня, были с детской непробиваемой твёрдостью уверены, если очень-очень постараться, любую проблему можно решить, любую беду отвести. Тем более что пропавшая мать, оказалось, оставила сообщение «на самый крайний случай», и они — есть чем гордиться! — это послание нашли. Поэтому оставалось только добраться, а уж там дети собирались развернуться вовсю, а мне — перебирать воспоминания даже во сне. Ну а пока им можно и поспать. Счастливые!

— Если вы сейчас меня видите, значит, произошло что-то не очень хорошее. — Внезапно возникшая посреди большой комнаты Ната заставила меня дёрнуться. Поначалу при виде очертания фигуры, возникшей ниоткуда. Потом же, опознав, я с радостными возгласами бросился к ней. — Не стоит пытаться дотронуться до меня, это всего лишь запись. Что-то вроде голограммы. Не голограмма, разумеется. Запустить её могут только Гор и Лисса. Надеюсь, дети, я убедила вас не копать без весомого повода в вещах, не предназначенных для этого.

Супруга-призрак, в нематериальном образе которой я успел убедиться, замолчала, задумчиво прикусив губу. У меня остро защемило сердце. Подобный жест и характерный отрешённый взгляд появлялся, когда любимая обдумывала какую-то важную для себя проблему. До дрожи хотелось её обнять, прижать к себе, такую обманчиво-хрупкую, притворно сопротивляющуюся, когда на нас смотрели наши малыши. Малыши, да. Двенадцатилетний Егор смотрел на мать во все глаза, приоткрыв рот. Десятилетняя Василиса с сосредоточенным видом и закрытыми глазами застыла с выжженным из недр комода хрустальным кристаллом, обхватив двумя руками внушительный стеклянный бульник с острыми гранями размером с хороший мужской кулак. Штуку эту я помнил. У моей любимой, как и у любой другой молодой девушки, был запас бижутерии и других сокровищ родом из детства, торжественно переташенных в нашу первую совместную квартиру из общаги Университета и не менее торжественно продемонстрированных мне. Неужели «не голография» и впрямь записана на этой стекляшке?!

— Смешно, я даже не знаю, с чего начать.

Меж тем Ната на записи остановилась и посмотрела, как показалось, прямо мне в глаза.

— Наверное, стоит начать с извинений. Простите, я все эти годы никогда не говорила вам правды. Ни тебе, Миш, если ты тоже смотришь, ни вам, спиногрызищи.

От Васи донёсся обиженный фырк, она терпеть не могла это коллективное прозвище, но позу не поменяла и сосредоточенности не утратила.

— Дело в том, что я... э-э... попаданка! — Тут я, несмотря на всю серьёзность и необычность момента, уже не выдержал и хмыкнул. Да, признаюсь, люблю фантастику и фэнтези, порой не придираюсь к слогу и сюжету, если, конечно, это не уровень сочинения пятиклассника. Правда, и пятиклассники встречаются разные. Жена часто меня подкалывала этим увле-

чением, предлагая больше обращать внимание на чудеса реального мира. Дескать, фантазиям многих людей до них далеко.

У Наты были основания на подобную позицию. Я неоднократно наблюдал, как она с легкостью заставляет только что злобно щерящегося пса, бродячего или с идиотом-хозяином на поводке, затихнуть и чуть ли не ползти к ней на брюхе, ну, или, по крайней мере, виляя хвостом. Собаками дело не ограничивалось. Усадить на руку осмелевшего от халявных семечек воробья или синицу, внушить доверие белке на радость нашим мелким было для неё не сложнее, чем некоторым почесаться. Однажды, ещё в общажные времена, нас, сдуру забывших про время и возвращающихся к корпусам общежития сильно после полуночи, окружила пятерка основательно пьяных молодчиков. Щербатые нехорошие улыбки, горбатые носы, смуглая кожа, наглый взгляд, словом, неподходящая компания в финале свидания. Надежд отбиться без потерь не предвидилось, но случай в наших краях был не первый. Главное, связать на такую позицию мразей и дать девушке убежать, а там уже и наша общежитская молодёжь, тусующаяся с пивом по лавочкам иногда до утра, подскочет с кличем «наших бьют». Все эти мысли в один миг промелькнули у меня в голове, а дальше я «попёр» на одного, одновременно незаметно наматывая на кулак цепочку от ключей. Рожка «пацан-чЕГа» расплылась. Я никогда не выглядел особо боевитым, да и единоборствами не занимался, но злости и решимости хватало на всех пятерых. Я был безумно влюблён и намеревался всеми силами это доказать.

Будь моя избранница обычной девушкой, кончилось бы всё плохо или очень плохо. Эмоции плохой советчик в выяснении отношений «на кулаках», а у ребятки были, как выяснилось, и кастеты. Пока я шёл на одного, остальные четверо, не посчитав меня даже минимальной угрозой для «брата», взяли в «коробочку» Натю. Попытались взять. Четыре коротких глухих удара за спиной, и я увидел, как у противника, смотрящего мимо меня, глаза становятся большими-большими. Я ударил. Со всей силы. Прямым в челюсть! Это было больно. Мне больно. Позже я узнал, что пользоваться кастетом или даже обмоткой кисти нужно уметь. Да и челюсть у носатого оказалась очень, очень твёрдой и какой-то угловатой. Самое обидное, я даже не отправил его в нокаут, лишь заставил пошатнуться и отступить на шаг. Тут бы мне и отхватить, если бы не вынырнувшая откуда-то любимая. Смазанное движение, и её кулак встретился со лбом любителя ночных randevu. Знакомый глухой звук, и тело, лишившееся сознания, рухнуло оземь.

– А?

– Потом расскажу. – Ната схватила меня за локоть и буквально потащила за собой. – Сваливаем, пока никто не увидел. Ой, твоя рука.

Руку, пока мы быстро шли до корпусов, моя девушка держала в своей. И вот удивительно-то, на ней не обнаружилось ни ссадин, ни следов от цепи. Буквально на следующий день я попытался записаться в университетскую секцию единоборств. Было мучительно стыдно, что защитила себя и меня хрупкая студентка. По счастью, тренер, выслушав мою сбивчивую просьбу, вместо того, чтобы принять на два-три месяца очередную «грушу» (пока сам не уйдешь), дал действительно хороший совет: прежде чем лезть в драку, «нарастить мясо» в тренажёрке. А Ната мне действительно рассказала...

Б-БАМ!

– Да что б тебя! Е... коромыслом, разбили дорогу, е...! – Водитель в сердцах проорал куда-то вверх, в смысле в крышу, потому что уазик, нырнув в незаметную ночью котловину, буквально повис, уткнувшись усиленной решёткой на бампере в край ямы, соответственно, потолок оказался изрядно наклонён. Задние колёса остались на грунте, да и толку от этого было

чуть, сдвинуть машину по обваливающейся мокрой глине они не могли ни назад ни вперёд. Я первым делом проверил детей. Всё нормально, благо ремни задних сидений у колымаги то ли предусмотрены, то ли установлены позднее. Кстати, дети даже не проснулись. Вслед за хозяином машины пришлось выбираться в ночь за пределы кабины. Ах вот оно что. Таёжный ручей, даже скорее речка-переплюйка промыла тут своё новое русло, которое радостно расширили колёса лесовозов. Дела! Хорошо, что для меня нашлась вторая лопата. Водила, махая шанцевым инструментом, не забывал прислушиваться и присматриваться к окружающей темноте, а я... Я опять мысленно вернулся в тот день.

– Дело в том, что я... э-э... попаданка! – заявила любимая, то есть её фантом, то есть запись. – Точнее, как бы наоборот, сюда попала совершенно сознательно, по собственному согласию... арр, как всё сложно-то! В общем, главное, я не отсюда. В смысле, не из этого мира. И даже не из параллельного. Ладно, пожалуй, лучше покажу.

Ната развела руки, и между ними возникла стопка блинов. Маслянисто поблескивающих, вкусных даже на вид. Кажется, это не совсем то, что показать было нужно. Милая сердито посмотрела на иллюзию, та медленно и неохотно превратилась в стопку же, но из нескольких полупрозрачных дисков того же «блинного» размера. Ещё одно усилие, и на дисках проявились точки. Подписанные точки.

– Это наша Земля, – улыбнулась жена, и одна точка почти у самого «дна» засветилась ярче. – Она находится во Вселенной-четыре. Номера, понятно, условные, да и пафосно звучит, но «четвёртый слой реальности» мне тоже как-то не очень нравится. Тем более реальность всё-таки не пирог. В общем, пусть будут Вселенные. Они друг от друга отличаются и не отличаются одновременно. Отличаются составом звёзд и планет, а различны законами природы. Кроме одного: коэффициента затухания псионического воздействия. Если во Вселенной-четыре я могу слегка усиливать удары руками, слегка лечить прикосновением, слегка чувствовать эмоции людей, слегка воздействовать на животных – это всё чем ближе, тем лучше, идеально в тактильном контакте, то во Вселенной-один (вот тут) я могу без особых проблем пробить трёхметровую кирпичную стену, даже не приближаясь к ней. Могу чувствовать окружающее пространство на километры вокруг и, благодаря этому, даже слегка предсказывать развитие непосредственно-близких по времени событий! О боже, когда я говорю вслух, это звучит как самая пошлая низкосортная реклама одной из твоих любимых книжек, Миша! На самом деле, всё не так. Псионика – это не какая-то там магия, а самая что ни на есть научная дисциплина, блин. Я к чему всё это начала говорить? Миш, если ты это видишь, – помнишь наш разговор... через месяц после парка?

* * *

Я заметил сидящую на скамейке Нату издали, и мне она показалась какой-то напряжённой, даже расстроенной. На душе скребли кошки, а тут и вообще сердце упало, – честно сказать, я не очень-то себе представлял, как буду жить дальше, стоит девушке сказать «я подумала, нам надо расстаться». Наталья Воля, «сибирячка нерусского происхождения», как она сама о себе говорила (и такое, оказывается, бывает!), девушкой была видной, из тех, что притягивают мужские взгляды как магнит! Дело даже не в правильных чертах лица и ладных линиях пропорциональной фигурки, в университете учился много красавиц. Просто было в ней что-то такое. И я это почувствовал сразу, как только увидел её, впервые столкнувшись на одной из первых лекций второго курса, что читалась сразу для нескольких потоков втораков. Не могу сказать, что я «пропал», нет. Себя я оценивал адекватно, потому что при каждой встрече всё больше восхищался издали, пока однажды в начале следующего

семестра мы вместе случайно не оказались припряжены к «труду во имя науки» на кафедре статистики. Швабра, ведро и тряпка – что может сблизить сильнее?

– Миш, привет! – Стоило подойти к лавочке, как девушка буквально меня почувствовала затылком, не иначе, и вскочила. На милом лице было огромными буквами написано... э-э-э... облегчение?! Впрочем, подумать над этим я не успел, да и вообще некоторое время думать не мог, прижимая девичье тело, забравшееся ко мне на колени и одними объятиями и поцелуями доказавшее, что я, во-первых, дебил, поскольку волновался совершенно не о том, а во-вторых, совершенно не разбираюсь в женщинах. Что, кстати, логично. Ната была моей не первой влюблённостью, но именно с ней в первый раз дошло хотя бы до поцелуев и чуть-чуть дальше. Иногда я пытался понять, что именно она во мне нашла, и всякий раз задвигал эту мысль подальше, банально боясь сглазить. Не было у меня за спиной ни миллионного наследства, ни внешности эталонного красавчика, ни даже элементарного превосходства физической силы. Мозги? О, тут всё превосходно, но не сказать, чтобы Ната прикладывала особые усилия, учась не хуже меня.

– Что-то не так?

Девушка перешла от активных объятий и поцелуев к «режиму котёнка» – поджала ноги, изогнула спину, чтобы прижать свою голову к моей груди, и ошутимо задумалась. Мой вопрос заставил её вздрогнуть.

– И вот как ты это делаешь? – Моё плечо боднули лбом, а в ответ на распахнутые глаза уточнили: – Понимаешь меня даже тогда, когда я сама себя ещё не понимаю? Ты ведь не видел сейчас моего лица, да и вообще. Но как?

Я честно задумался. Реально задумался, говорить всякие банальности вроде «я тебя чувствую» не хотелось. Как чувствую? Да кто ж знает! Зато, почему чувствую, понятно.

– Заранее извини за банальность, – максимально серьёзно сказал я, – но я действительно тебя очень люблю. Люблю и потому понимаю.

Я беспомощно повёл плечами, – развести не мог, те были заняты. Как донести до человека, что он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** для тебя главнее всего мира, он и есть весь твой мир? Слова для такого просто не годятся.

Думаю, Ната была со мной согласна, поглядев мне в глаза, высвободила руки, положила пальцы мне на виски и прижалась ко лбу лбом. Как ни странно, это было именно то, что нужно. Девушка в моих объятиях как-то по-особому вздрогнула, и, когда чуть отстранилась, в её огромных влажных глазах я прочёл **ТАКОЕ!** Не знаю, как нам удалось не нарушить общественный порядок в публичном месте, но это факт. Может быть, в запасе у любимой хитрости оказался ключ от временно пустой комнаты в женском крыле общаги химиков, полученный неведомой интригой. Само его наличие уже говорило о том, что «своё» я бы так и так получил, однако теперь всё и вовсе выглядело как-то запредельно феерично!

– Ты ненормальный, ты в курсе? – Ната буквально распласталась поверх меня, и это было просто офигенно. – Человек не должен **ТАК** любить! Чувство может медленно разгораться или быстро вспыхивать, но постепенно гаснет. Всегда. Это биохимия, но с тобой явно что-то не так. Вообще никакого ослабления! Кстати, ты кого-нибудь любил до меня? Только честно!

– Любил. Одна девочка в школе очень нравилась. – Может, стоило соврать в таком вопросе, но я чувствовал такое единение с возлюбленной (во всех смыслах), что точно знал – поймёт. – Она училась в параллельном классе, у неё были роскошные волосы с оттенком в серебро до самого пола, если она не заплетала их в косу. Хотел пригласить её на танец на выпускном, не получилось...

– И ты до сих пор ее любишь! – Это был не вопрос, а утверждение.

– Э-э-э. – Я забеспокоился, одновременно понимая, «да», несмотря на то что школу окончил более трёх лет назад. Однако некое чувство, казалось бы прочно забытое, всё ещё теплилось. Даже не теплилось, спало, что ли, и его можно было разбудить. Вот так новость! – Она с родителями куда-то переехала сразу после одиннадцатого, не знаю куда. Я же говорю, даже на выпускном не появилась.

– Я ревную! – не слушая меня, недоверчиво сообщила в пространство Ната. Кажется, она сама была в шоке от собственного открытия. – К какой-то... я... ревную?!

– Извини, пожалуйста. – А что я мог сказать? По крайней мере, сделать ничего не мог. – Я её уже почти забыл, а тебя люблю гораздо сильнее!

– Что есть, то есть. – Красавица самодовольно упёрла острые локотки мне в рёбра. – Ты это уже доказал... ум-м... и готов доказать ещё раз?! Да сколько же тебе надо, ненасытный?

Ответ на этот вопрос мы проверили и перепроверили. Неоднократно. Про случай с нападением я, ну, не то чтобы забыл, мне было всё равно, хотя в качалку ходил исправно. Тему подняла Ната, ещё через месяц, когда в спортзале мне неудачно «прилетело» грифом штанги (по счастью не нагруженным) поперёк солнечного сплетения. Получился длинный такой синяк. Наклоняясь, я ощущал лёгкий дискомфорт, это было замечено, и...

– Не дёргайся, сиди смирно и молчи, не отвлекай. И хватит меня гладить, иначе вместо лечения получишь... хотя всё равно получишь, но сначала лечиться! – Руки пришлось положить на кушетку. Девушка опустилась на колени, приложила к повреждённой руке не только кисти, но и предплечья, а поверх уткнулась головой. Было очень приятно, только поза буквально провоцировала на кое-что другое, и, похоже, не только меня. Поэтому я далеко не сразу заметил, что болевые ощущения меня больше не беспокоят.

– Ната, это... – Я не стал продолжать, увидев, как резко испортилось настроение девушки. – Извини! Большие не буду спрашивать!

Мне действительно было всё равно. Даже если это чёрная магия, ради которой надо ежемесячно приносить кровавые жертвоприношения, а моя любимая трёхсотпятидесятилетняя ведьма. Очевидно, моя девушка и впрямь права, я ненормальный. Ну и что?

– Нет, ты имеешь право знать, – признала Ната. – Это что-то вроде йоги. Я концентрирую энергию Вселенной в своих руках и передаю тебе. Не просто передаю, а в структурированном виде, в данном случае для лечения. Звучит по-идиотски, не находишь?

– Нет, что ты.

– Давай я дорасскажу, и закроем тему. Тех парней я раскидала точно так же. Энергия ускорила меня, усилила удары и отбила им память за последние часы. Это не боевое искусство и не мистика. Короче, меня отец научил. Где он сейчас и что делает, не знаю. И не могу этому научить, надо иметь специальный генетический талант. Всё. Я такая, и тебе придётся принимать меня вместе с моими особенностями. И всё, не хочу больше об этом вспоминать.

– Большие тебя об этом никогда не спрошу! – клятвенно пообещал я. Мне было... нет, не всё равно – наоборот, я испытал гордость за то, какая Ната у меня особенная. Ну а Космическая Энергия или, как там, Вселенская? После того, как я увидел человека, в которого два раза подряд (!!) попала молния, и он остался жив и даже здоров: божье, какая малость.

Внимательно смотрящая на меня любимая вдруг расслабилась и улыбнулась.

– Я боялась, что из-за этой моей способности ты меня бросишь. – Она увидела мои глаза, округлившиеся до величины хорошей древней монеты. – Ну, знаешь, теперь я знаю, что все эти «парень должен быть сильнее», а если нет, «ты ему не пара», ты воспринимаешь как бред! Ты бы знал, как я себя проклинала, когда мы так глупо из-за меня попали.

– *Ната!*

Я было потянул девушку к себе на колени, но она неожиданно ловко вывернулась и, взявшись за пряжку моего ремня, совсем другим, низким и тягучим «хищным» голосом оповестила:

– Ну уж нет. Сначала попробуем всё, что нафантазировал твой извращённый разум. Извращённый, не спорь со мной. Разве нормальный мужчина смог бы меня ТАК любить?

– Всё! Хорош уже! Хорош, говорю, хорош! – Водиле не сразу удалось достучаться до моего разума. Я буквально перестал воспринимать реальность, механически переправляя глину в яму-русло под передними колёсами. Владельцу гордого внедорожника кроме лопаты пришлось помахать ещё и топором. Мы подвели под передний мост лесины, измазавшись в липкой противной грязи чуть ли не с головой, а потом настал и черёд лопаты.

– А ты, паря, смотрю, двуличный, – уважительно прокомментировал мои скромные трудовые подвиги местный. – Чисто как экскаватор, лопатой туда-сюда.

– Мы городские, да выносливые. – Мне удалось даже выдавить из себя бледное подобие улыбки, после чего я показал на детей. – Я ж за них отвечаю, никак слабым быть нельзя.

– Да-а, славные они у тебя. – После совместного физического труда на таёжника напала охота поболтать, да и от меня временно сон ушёл. – Не передумали высаживаться у развилки к Тихим Омутам? Я, конечно, ничего, но, бают, там действительно всё не слава богу стало, как последние-то старики съехали. Не случилось бы чего, а у тебя даже ружья нет!

– Ракетница есть. – Я полюбовался на его скептическое выражение лица и вытащил из поясной кобуры пусковой пистолет 12-го калибра. – Допиленная чуток. И патроны с пулями¹.

– Баловство это, – неодобрительно отозвался сибиряк. – Охотничьего билета нет, поди, так и спрашивать здесь его некому. А без приклада, да с обрезком вместо ствола...

– Я ж не на охоту собрался, а мимо медведя с пяти метров так и так не промахнусь.

– Всё равно, не дело в тайгу и без ружья. Тут пропасть – даже мне раз плюнуть. Ну, да вам виднее. – Подобранные попутчики водиле явно пришлись по нраву, но и лезть в чужую душу ему отнюдь не хотелось. Мало ли у кого что на уме, а так – меньше знаешь, дольше живёшь. В тайге действительно пропасть – раз плюнуть. Кроме того, у меня был козырь в рукаве, о чём я совершенно точно не собирался сообщать никому посторонним. Тот самый «хрустальный» кристалл из квартиры и дети, возможности которых в присутствии этой якобы бижутерии возрастали на порядок. По крайней мере, отогнать или даже заставить зверей выполнить простые команды наши с Натой ребята могли. Оставалось только добраться, а там... Водила замолчал, и я опять соскользнул в воспоминания.

– «Помнишь наш разговор через месяц после парка?» – Егор посмотрел на меня, и даже изображение Наты чуть дрогнуло, когда Василиса попыталась к нему присоединиться.

– Потом расскажу. Лучше слушаем маму, – настаивал я, с тревогой наблюдая за дочерью. Похоже, трансляция записи требовала от ребёнка немалых усилий. Но не факт, что потом ей удастся запустить записанное с места остановки, а информация сейчас очень, очень важна!

– Я сказала тебе, что меня всему научил отец. Это правда. Он же отправил меня сюда. На Землю. Перемещение между Вселенными – это, кажется, самый старый из изобретённых

¹ Автор считает своим долгом напомнить, что данная модификация сигнального средства в боевое оружие на территории России преследуется по УК РФ. Не делайте так даже для защиты от медведя, лучше получите охотничий билет и купите нормальное ружьё. В этом водитель абсолютно прав. P. S. Судя по тому, что я прочёл в Интернете, обычная сигнальная ракета, выпущенная в мишку, тоже способна с гарантией отпугнуть «хозяина тайги». Кроме того, существуют ещё специальные светозвуковые заряды, дающие вспышку и звук в 147 Дб, специально для обращения в бегство крупных хищников. Впрочем, ГГ я понимаю: одно дело – отпугнуть, другое дело – пуля 12-го калибра. Как-то сразу чувствуешь себя увереннее.

человечеством способов путешествовать между мирами. Нельзя, используя пси-способности, перейти из мира в мир в одной Вселенной, можно переместиться через другую. Смотрите.

На проекции между руками Наты-призрака возникли линии, соединившие точки-миры, в том числе и Землю. Получился этакий трёхмерный эскиз, чем-то напоминающий скелетную модель сложной молекулы. Действительно, прямых веток между точками одного «блина» не было, грубо говоря, на соседнюю планету только с пересадкой.

– Способ путешествия из мира в мир сквозь разные слои реальности довольно сложен, более того, для неподготовленного псионика опуститься во Вселенную – путь в один конец. Это дорогая дорога немногих избранных, сейчас она и вовсе практически не используется. Так уж получилось, что технологическое развитие во Вселенной-один обогнало остальные, постройка и эксплуатация межзвёздного корабля обходится не дороже, чем когда-то морского.

Любимая замолчала и обвела комнату взглядом, наполненным этаким ехидным превосходством. Столь игривое настроение находило на мою жену довольно редко и ненадолго, в эти моменты она казалась мне даже ещё более молодой, чем когда мы только познакомились. Прямо девочка-подросток, а не мать двоих детей, серьёзная, рассудительная молодая женщина. В груди опять заныло, боль была, разумеется, фантомной, ибо физически сердце у меня в полном порядке. Пустота вместо ощущения рядом той, кого я до сих пор без особого преувеличения считал смыслом жизни. Я бы предпочёл настоящую рану. Правда, было бы стократ хуже, если бы не наши малыши.

На восьмой этаж я привычно поднялся по лестнице. Узко, неудобно, пыльно. Благо, после массовой установки домофонов пролёты перестали напоминать смесь притона для бомжей и общественного туалета. Да и лифты, наконец, избавились от неизменной «городской живописи», что тоже приятно, пусть я ими и редко пользуюсь. На лестницах теперь только пыль да консервные банки-пепельницы между этажами, бывает, переполняются, ничего не мешает дополнительно нагружать хотя бы ноги, раз уж до спортзала удаётся добираться в лучшем случае раз в месяц. Увы, всё имеет свою цену. Чтобы свалить из порядком опостылевшей за последние четыре года общаги, я был готов отдать не только свободное время после занятий и до полуночи, но и оба выходных дня. Зато теперь иные вечера, когда удавалось освободиться пораньше, и все ночи были только в нашем с Натой распоряжении! Пусть комната в съёмной квартире по размерам куда меньше, чем общажная, а кухня вообще больше похожа на шкаф, зато это место только для нас двоих! Любимая тоже подрабатывала, и пусть ей на кафедре платили заметно меньше, чем мне, устроившемуся «эникейщиком» в обслуживающую IT-контору, знать, времени такая работа много не занимала, а в семейный бюджет – всё помочь. Да! Теперь мы семья! Правда, о свадьбе пока речи даже не шло, но это и не важно. Согласие Наты стать моей женой я получил! И это по-настоящему окрыляло.

Квартира встретила меня непривычно. В последнее время моя невеста решила во что бы то ни стало овладеть навыком домашней стряпни, потому ужин устойчиво сопровождался запахом очередного подгоревшего блюда. Или выкипевшего. Или... ну, в крайнем случае, пельмени ещё никто не отменял. На этот раз едой в буквальном смысле даже не пахло. Ната обнаружилась сидящей на диване, свет не горел, сама она, судя по взгляду в никуда, мысленно пребывала где-то далеко. Так далеко, что на моё присутствие отреагировала, только когда я присел рядом и обнял её.

– Прости, я... – Она вздрогнула от прикосновения и тут же обмякла в объятиях. – Похоже, сегодня опять пельмени.

– Что-то случилось? – Я, пожалуй, впервые за долгое время не мог сообразить, что с моей второй половиной.

– Случилось. Пожалуй, уже месяц как случилось, а я соизволила заметить только сейчас. Совсем с тобой утонула в розовых мечтах. Покажи мне в шестнадцать меня теперешнюю, знаешь, я бы себя возненавидела.

Я честно попытался осмыслить эту словесную конструкцию, но не преуспел.

– Э, нет.

– Вот и я тоже. – Ната покосилась на меня и вдруг фыркнула от смеха. – Представляешь, день рожденья, я вся такая взрослая, и тут зашёл разговор о том, что уже и замуж скоро пора, ну, там семья, дети. И я публично поклялась, что никогда, никогда никто не заставит меня стать домохозяйкой с толстой косой и задницей, носить женственные платья и нянчиться со спиногрызами, которых нужно ещё и рожать!

Учитывая, что девушка была в домашнем платье, которое ей невероятно шло (мне в очередной раз удалось найти разовую подработку с нормальной оплатой, после чего случилась суббота разнузданного шопинга), и уже год отращивала волосы (тебе же нравится, я тебя насквозь вижу), а разговор наш начался с вопроса об ужине, я тоже не сдержал смейка.

– Ещё остались «спиногрызы», так что у тебя есть шанс выполнить хотя бы часть обещаний.

В ответ Ната посмотрела на меня. Ласково-ласково посмотрела. Молча.

– Что?! Ты... мы... ребёнок?! – Наверное, я очень смешно выглядел в тот момент. С вытаращенными глазами и выражением абсолютного офигевания на лице. Про детей я ещё и не думал, в голове засели две цели: доучиться, защитить диплом и создать нормальные условия жизни для семьи. Ну а там свадьба, и уже и о детях можно поговорить. Разумеется, секс у нас был регулярным, в какие-то дни Ната заранее предупреждала, что нужны презервативы, как-то она это определяла, я не заморачивался. Видимо, зря. Или нет?

– Вот так. – Будущая мать развела руками и как-то даже беспомощно призналась: – Я слишком сильно тебя люблю и хочу, вот моё тело и решило за меня. Сам знаешь, ни один метод контрацепции не даёт стопроцентной гарантии.

Честно сказать, методы контрацепции в тот момент меня интересовали меньше всего, в любом случае поздно. Тем более я вдруг понял, что будущее расширение семьи мне не кажется такой уж катастрофой, скорее наоборот. У меня будет сын! Ну, или дочь.

– А кто будет?

– Пф-ф! – Вся «мудрая загадочность» у любимой куда-то делась. Рядом со мной сидела молодая красавица студентка, уверенная в себе и том, что всё будет хорошо, немного, правда, встревоженная, возможно, чуть напуганная ещё не близкой перспективой родов. – Да на таком сроке пока никто не сможет определить. Лучше скажи, что теперь делать будем.

– Странный вопрос. Завтра схожу в ЗАГС после универа и узнаю, по каким дням можно подавать заявление. Назначим день свадьбы. Нужно про женскую консультацию узнать – предродовая подготовка, как оно там называется. – Я прервался, потому что моё счастье смотрело на меня огромными удивлёнными глазами. – Что-то не так?

– Нет, всё так. Я думала, ты переживать будешь – как же, ребёнок, ответственность, всё такое, а ты весь такой прагматичный! А самый главный вывод не сделал.

– Какой?

– У нас всего несколько месяцев до того, как один настойчивый мальчиш вмешается в нашу личную жизнь. И нужно поторопиться использовать их по полной!

До пельменей в тот вечер так и не дошло...

– Вот поворот на Омуты. Отсюда по просеке примерно пять километров, заросло тут прилично, но к обеду, вестимо, дойдёте.

Боковое окно УАЗа не блистало небесной прозрачностью и вообще было изрядно заляпано оставшейся с ночного перекапывания безымянного ручья глиной. Кроме того, имелись

зелёные разводы и пятна от особо неудачливых насекомых. Для полного комплекта «мы только из джунглей» не хватало разве что только плевков змеиного яда. Тем не менее пейзаж в виде стены деревьев просматривался, никакой просеки я, сколько ни старался, увидеть не смог. Правда, стоило открыть рот для уточняющего вопроса – а точно ли нас завезли куда надо (нево время вспомнился вопрос этого подозрительного типа об оружии), и Василиса как ни в чем не бывало распахнула дверцу со своей стороны и высоким детским голоском прошептала:

– Дядя Игорь! Спасибо! Спасибо! Мы бы без вас сюда неделю добирались!

Неделю – это, конечно, дочь загнула, могли и месяц плутать. В «проклятую деревню» ака посёлок Глубокие Омуты не ходил никакой общественный транспорт, не был подведён не только газ (хрен с ним), но даже электричество! Это даже несмотря на то, что в СССР там был зарегистрирован лесхоз и охотничье хозяйство. Как это всё работало, сдавало план и умудрялось существовать, оставалось только догадываться, впрочем, если окрестные жители не смогли заметить аж базу инопланетян, существующую неизвестно сколько...

Выгрузились быстро, рюкзаки имелись у всех троих, но настоящим был только мой, дети тащили в основном собственные вещи, объёмные, но не тяжёлые. Водила, сначала явно опасающийся оставлять глупых безоружных, по его мнению, горожан на обочине лесной дороги, в какой-то момент разнервничался, быстро попрощался и дал по газам. Тайга, едва машина ушла за поворот, радостно поглотила звуки разболтанного двигателя, будто узик и его пилот нам почудились. Казалось, окрест только шелест крон, посвисты незнакомых птиц да кусок дороги из ниоткуда в никуда. То, что мы стоим на перекрёстке, лично я понял только после третьего тычка пальцем. Верхушки деревьев в направлении Омуты были чуть ниже. Вот тебе и просека.

– Что это он так быстро умотал? – Детей вопрос местонахождения ничуть не тревожил. Негромко переговариваясь, они, больше мешая, чем помогая друг другу, пытались запихнуть Егору в современное подобие армейского «сидора» брезентовые штормовки. И когда только успели стянуть с себя?!

– Мушек испугался, – безмятежная Вася указала куда-то вдоль дороги. Я невольно проследил за её рукой и чуть не подавился. В воздухе полупрозрачной стеной вился, не в силах преодолеть невидимую преграду, печально знаменитый таёжный гнус. Чуть усиливающийся вдоль дороги ветерок то разгонял его, то, ослабнув, мог только поколебать повисшее в воздухе месиво насекомых. От такого зрелища стало не по себе, и очень, просто очень захотелось вправить мозги мелким, стянувшим с себя и плотную поддёвку под штормовки. Проклятые твари могли просто-напросто сожрать заживо незащищённого человека, конечно, при неудачном стечении обстоятельств, потому таёжники предпочитали упревать летом под двумя-тремя слоями одежды, но хоть как-то защищаться от москитов, от которых ни один репеллент не спасал (хотя репеллентом пренебрегать не стоило).

– Папа, пойдём? – Василиса взглянула на меня снизу вверх. – Ты не волнуйся, мы уже почти на месте, скоро будем рядом с мамой!

– Да, действительно. – Я вытащил из рюкзака компас и взял азимут от начала просеки, надеюсь, правильно. По идее, вырубка для создания лесной дороги должна быть прямой, насколько здесь вообще существует что-то прямое. Глупо надеяться только на компас и распечатку чёрно-белой копии старой пятикилометровки, с огромным трудом найденной в Интернете, но на туристический навигатор с вбитыми координатами населённого пункта, высчитанными с помощью той же карты, надеяться ещё глупее. Вроде пока всё более-менее совпадает. – Не хочешь надеть хотя бы куртку, дорогуша?

– Не-а, пап. Мухи не подлетят, их мамин кристалл «держит», – беспечно отмахнулась девочка.

Мы с Натой с малых лет приучали отпрысков к самостоятельности и начиная с шести лет подчёркнуто обращались с ними как со взрослыми.

– Хочешь набить шишку, не слушаешь маму-папу? Набивай, но тогда и не плачь. Больно? А зачем мама показывала тот лечащий приём?

– В лесу, знаешь ли, дорог нет, и незащищённые руки можно запросто повредить.

– Ну, па-ап, что ты с нами будто с четырёхлетками, – насупился сын. – Есть там дорожка, метров десять только через кусты и пробраться.

– Откуда... – Я быстро проглотил «тебе-то знать» и спросил иначе: – Такие сведения?

– Кристаллы! – Дети выпалили синхронно и счастливо засмеялись, впервые с того момента, как пропала Ната. – Они там цепочкой вкопаны для нас, как фонари! Мы тебя проведём!

Не знаю, как с другими детьми, но с нашими это работало безотказно. Возможно, потому, что мы с женой и сами были не слишком-то степенные взрослые? Возможно, помогло бы воспитание бабушки-дедушки, да вот беда, мои родители на попытку познакомиться их с тогда ещё просто моей девушкой, будущей женой, устроили такую истерику, аж соседи по лестничной клетке сбежались. Сейчас с высоты какого-никакого жизненного опыта могу сказать, скорее всего, я сам и спровоцировал конфликт, слишком был счастлив, слишком красивой и молодой была моя спутница. Нужно было загодя звонить и загодя запрашивать одобрения, вот мол я как бы сегодня девушку приглядел, умница вся из себя и красавица, только подойти не могу, стесняюсь. Ой-ой! Однако, уезжая из дома в «большую и страшную Москву», я свято хранил у себя в голове образ идеальных родственников, разве что слегка склонных к контролю. Как выяснилось, не слегка. В любом случае многие слова были сказаны друг другу, я развернулся и увёл за собой ошеломлённую бурей эмоций подружку. Отчасти это было даже хорошо. Мы невольно привили детям ценность семейной ячейки из нас четверых, как места, где тебя всегда поймут, но за благополучие которого, в том числе и ты, несёшь ответственность. Так что, например, шестилетняя кроха Василиса, моющая посуду, стоя на табурете, раздувала щёки от гордости за оказанное доверие, а восьмилетний Егор запугал до истерики одноклассника, решившего сыграть с ним в любимое детское «чей папка круче». С другой стороны, я не мог, как большинство родителей, просто взять и надавить авторитетом: «А ну, надели куртки – я сказал!» Приходилось каждый раз обращаться к рассудочной части сознания мелких. С другой стороны, включить детское упрямство «а я хочу, и всё» они тоже не могли. Нечестно. Впрочем, настоящее испытание в кои-то веки показало, кто прав, а кто не очень. По крайней мере, пока после суток метания между участковым и криминалистами, обследовавшими «странные следы» на грунте там, где Ната должна была идти из магазина, обзвона отделений скорой помощи и моргов я тихо приходил в отчаяние, слабо реагируя на внешние раздражители, детки целенаправленно перерыли весь дом, добрались до артефакта и запустили запись. Даже отца не забыли заставить поесть в процессе всего этого.

Любимая обвела комнату взглядом, наполненным этаким ехидным превосходством.

– Держу пари, вы, детки, несмотря на то, что я говорила, сейчас думали «вау, мама-то из Вселенной с магией». А вот и нет! Псионика не магия, хотя для постороннего и бывает похожа. А главное, наша цивилизация – техническая. Да-да, гиперпространство, межзвёздные перелёты, многие колонизированные и терраформированные планеты, несколько человеческих государств, занимающих многие звёздные системы. Решены многие медицинские задачи, нет угрозы для всей цивилизации, умереть от неудачно упавшего астероида или залётной кометы. Конечно, не всё гладко, есть конфликты, как военные, так и прочие. Из-за одного меня и отправили сюда. Отец мой дома был не последним человеком. Предполагалось, что

я пробуду здесь, на планете во Вселенной-четыре, около пятнадцати – двадцати лет, а потом вернусь. К тому моменту проблемы должны быть решены, так или иначе. Меня после короткого инструктажа направили на старую базу семьи. Я была решительно настроена провести все эти годы в тренировках. При местном уровне коэффициента это всё равно что мышцы качать при двойной силе тяжести. Однако, как выяснилось по прибытии, родственники дали мне другие инструкции: воспользоваться подготовленными документами, заодно выучив язык и обычаи, и поступить в местный вуз на технический факультет. У меня всегда были нелады с пониманием техники, а основы, как ни крути, одинаковые. Ну а дальше по собственному усмотрению. Я, честно сказать, предполагала потом разные варианты событий, только не тот, в котором появится мужчина, который умудрится вскружить мне голову! А уж ваше появление, спиногрызики, я не предвидела и в самом страшном сне! И вот до меня сегодня наконец дошло, вы есть, а со мной может что-нибудь и случиться. Даже если у тебя имеются какие-то способности, превышающие среднестатистические человеческие, это ещё не повод считать себя неуязвимым, впрочем, если смотрите эту запись, вы это уже поняли. Я планировала подождать, пока Егорке не стукнет шестнадцать, а Лиссе четырнадцать, и после этого предложить вернуться всем вместе или остаться всем вместе. К этому моменту клятва, которую я дала, частично теряла свои полномочия, и я могла бы рассказать вам если не все, то многое. Ну, да что уж теперь. – Ната замолчала, глядя куда-то поверх наших голов, а потом решительно продолжила: – Такой способ информации, как пси-запись, не подпадает под клятву. Подразумевается, что заставить её проигрываться могут только свои, но я вас, дети, достаточно обучила, вы справитесь. Если вы это видите, то официально приглашаю вас всех туда, где я родилась. Из плюсов – двести лет гарантированной молодости и возможность по-настоящему овладеть пси. Из минусов – придётся играть по тамошним правилам. Чёрт, как утомительно держать столько записи, отвыкла уже. Короче, я оставляю вам запись о том, как найти базу здесь, на Земле. Она в Сибири. На базе подготовленная капсула, при желании в ней можно поместиться вчетвером. Там же найдёте кристалл моего дневника, попав сюда, решила вести ежедневно и оставила ровно одну запись, из-за того, что обнаружила директивы. Прослушайте её и решайте, хотите вы ею воспользоваться или нет. Моя семья примет родную кровь, гарантирую. Да и отца детей не забудет. А мне пора. Вот, Миш возвращается, а мне ещё камушек прятать.

Проекция записи погасла, и Василиса, утирая пот со лба, буквально упала в ближайшее кресло и тут же вскочила одновременно с братом.

– Папа! Странные следы! В полиции сказали, какой-то аппарат или механизм. Это капсула была! Маму забрали! Как раз пятнадцать лет прошло. Мы отправимся за ней и найдём. Полиция сказала, следов борьбы не было.

Я почувствовал, как отступает чёрная пелена отчаяния.

Часть первая. Точка невозвращения

1

Деревня Омуты на психику неподготовленного человека действовала угнетающе, если не сказать деструктивно. Небольшое свободное от деревьев пространство с десятком разнокалиберных деревянных построек, несмотря на яркий солнечный день, выглядело совершенно чуждым этому миру. А ещё оно было мёртвым. Кроме невысокой травы, будто подстриженной газонокосилкой, никаких признаков жизни на территории инопланетной базы не наблюдалось: ни одного насекомого, ни одной птицы, ни каких-либо признаков присутствия животных. Людей тоже не было, ни местных, ни чужих. Не уверен, что смог бы отличить, но в любом случае никого. Если бы не дети, я бы ещё десять раз подумал, прежде чем сунуться в такое место, и вовсе не факт, что хватило бы силы воли побороть своеобразную ауру, создаваемую прикопанными защитными кристаллами. Если бы не дети и наш домашний, подготовленный Натой камень. Он словно окутывал нас троих тёплой и уютной домашней атмосферой, всегда царившей в нашей квартире. Хотя, почему «словно»? Так ведь и было, пока «стекляшка» лежала в дальнем углу одного из ящиков комода.

Пришлось натуральным образом встряхнуться, чтобы избавиться от очередного накатывающего приступа чёрного отчаяния, заставить себя поверить, что правы Егор и Вася, но не я. Действительно, не могла любимая пропасть без следа в Москве. Хотя, кого я обманываю. Но в любом случае сейчас не время и не место. Нужно выполнить... а-а, чёрт! Нужно выполнить последнюю волю супруги, хотя я и не хочу верить, что она последняя! А потому нужно найти эту долбаную капсулу и запись и постараться успокоиться. Не думаю, чтобы Ната была счастлива, видя меня в таком состоянии. Да и я должен думать о детях, а не жалеть себя. Это последнее, что у меня от неё остал... заткнуться! Заткнуться и не думать! Искать!

Аппарат для перемещения между Вселенными нашли, разумеется, дети. Изобразив затаенную петлю по территории деревни (приходилось держаться рядом с Василисой, несущей домашний кристалл, Егора я убедил от нас не отходить), мы остановились перед крыльцом «жилого» дома. Одноэтажная изба. Открывающаяся внутрь дверь не заперта. Внутри лавки, стол без скатерти, монументальная печь и первозданная чистота, не считая легкого слоя пыли. Ощущение полной нереальности происходящего добралось даже до мелких, но не мешало им найти люк в подпол. Крепкая лестница, сухо и холодно. Осветить неожиданно просторное помещение оказалось не так-то просто, тьма будто собиралась за пределами странно чёткого луча электрического фонаря. На первый взгляд, ничего интересного. И вообще ничего. Эту мысль я додумывал, подбирая выпавший из руки фонарь. Егор, от неожиданности споткнувшийся на ровном месте, отчитывал сестру, доставшую и внезапно включившую на освещение кристалл Наты. Дети между собой ругались редко, брали пример с родителей, но сейчас нервы у всех на пределе. Что делать с мелкими, если мы не найдём их мать «с той стороны»? Можно ли будет уйти назад? И нужно ли? Ещё вопрос, как нас примут.

Пока я в очередной раз отгонял от себя несвоевременные мысли, брат и сестра уже успели помириться и теперь дружно обшаривали, едва ли не обнюхивая, одну из стен.

– Папа, капсула здесь! – Вася едва не подпрыгивала на месте. – Надо только понять, как открыть.

– Капсулу?

– Дверь! – Егор от ощупывания перешёл к обстукиванию поверхности. – Тут должна быть тайная дверь! Как в бункере! Круто, да?

– Несомненно, круто. Так и должно быть на крутой тайной инопланетной базе. – Пришлось покивать с серьёзным видом, подтверждая рабочую гипотезу ребёнка, и тем же тоном продолжить: – Дети, наденьте куртки, всё-таки лето осталось наверху.

Штормовки спиногрызов были мгновенно извлечены из рюкзаков и, не глядя, напялены, после чего дети опять прилипли к стене. Время шло, камень Наты в ручке Василисы странным образом продолжал заливать помещение подпола мягким светом без теней, а замаскированный вход, как я и подозревал, всё не находился. Почему подозревал? Потому что Омуты пусть не военная, а исследовательская, но база. Форпост. Так что, некий шанс, что это место в конце концов об наружат посторонние, даже с учётом барьера страха, оставался. Мало ли, человек попадётся совсем уж нечуткий, или ещё что. Логично предположить, что дверь должна открываться при помощи всё той же пси, но никак не реагировать на людей или обстукивание преграды. Детям я, правда, подсказывать не спешил, если догадались с кристаллом дома, тут и подавно ответ ясен. А раз всё-таки открыть не могут, значит, не всё так просто. Так зачем очевидные факты под руку говорить? Нет уж. Не хотелось ночевать в таком месте, конечно, но это гораздо безопаснее, чем ночёвка в обычном доме в тайге или просто в палатке, к которой мы готовились, уезжая из Москвы. Хорошо бы колодцы окончательно не засыпало, тогда вообще полный комфорт будет...

– ДА-А-А!!! – От вопля сына я едва не свалился с рюкзака, на который присел. – Ха-ха, а ты даже не догадалась!

– Я догадалась даже быстрее тебя, но говорить не хотела, чтобы ты не расстроился! – Вася не осталась в долгу, выказав значительные достижения в деле демонстрации языка идеологическому противнику.

– А я и не догадался. – Егор попытался соорудить невозмутимое личико, но проиграл своим эмоциям. На лице стремительно расплзалась широкая довольная лыба. – Это папка догадался! Сразу! Только ты его подсказку не поняла.

– Всё я поняла, а что за подсказка? – Признавать ошибки младшенькая умела, но очень не любила, даже освоила некоторые фишки из чисто женского арсенала манипуляций противоположным полом. Сколько Ната ни билась, пытаясь объяснить, что так делать, мягко скажем, нехорошо, по крайней мере по отношению к родным, ничуть не помогало. Влияние школы. Увы, там дети проводили времени не меньше, чем дома, а дурной пример маленьким человеком впитывается куда проще хорошего. Если для Егора я оставался авторитетом номер один, всё ещё выигрывая у сенсея по айкидо, то юная красавица предпочитала не ограничиваться одной стратегией из каких-то там не очень понятных ей принципов «честно-не честно». Она же не заставляет, верно? Повёлся – сам дурак. Жена, обладавшая прямым и открытым характером, только диву давалась. Что касается подсказок, была у нас такая, гм, не игра, а скорее тренировка для ума. Видели бы вы, сколько гордости сверкало в родных глазёнках, когда сложную «взрослую» логику удавалось разгадать правильно. Собственно, теперь подобные ситуации случались всё реже и реже. При наличии Интернета, поисковых систем и Википедии на многие вопросы ответ можно найти самим.

– И что за подсказка? – Вася картинно свела бровки – на её личике это смотрелось одновременно умилительно и очень смешно – и покосилась на меня.

– Папа сказал, база «крутая».

– Зашибись подсказка! – Дочка изобразила так понравившийся когда-то жест «фейс-палм», который ей удавалось изобразить с очень взрослым и усталым видом. Сын тоже так баловался – подростки в определённом возрасте имеют неодолимую тягу к копированию красивых жестов – пока как-то во время тренировки с Натой не заехал сам себе рукой с «усилением». – Ну, крутая, и что?

– У Крутой Базы не будет секретной двери. – Егор с превосходством оглядел Василису. – У Крутой Базы сдвигается вся стена! Джеймса Бонда смотрела?

На этом месте ладонь к лицу захотелось приложить уже мне. Сыну от матери характер достался в полной мере: прямой, честный и, в изрядной степени, благородный. В секцию боевых искусств нам пришлось его устраивать после случая, когда девятилетний Гор решил вступить за девочку-первоклашку, на которую у ворот школы набросилась собака. Защитил. После усиленного удара по черепу дворняга уже не встала. Проблема в том, что брехливая тварь оказалась «чейной», но тут не сплеховала уже Вася, завопившая «он ударил собачку, а потом братика!». В общем, обошлось, но установку «я решаю проблему кулаком» пришлось корректировать. Разумеется, не проповедями типа «подставь другую щёку» или запретом на применение способностей, урок парка я запомнил накрепко. Айкидо, где большая часть боя проходит на отводах и захватах противника, показалось нам с Натой хорошим компромиссом, чтобы поставить безопасные для сына рефлексy. С прошлого года в секцию пошла и дочь.

* * *

– Всё ты врёшь! Ничего она не отодвигается. – Лисса буравила стену взглядом с натуральной ненавистью. – Тут просто нечем её двигать. Ты ошибся!

– Де-евчонки. – С видом полного превосходства старшенький упёрся руками в стену и действительно неожиданно легко сдвинул её влево, а потом просто пошёл, открывая-откапывая каменную створку.

– Ой. – Младшая хотела сказать что-то ехидное в ответ, да так и застыла, оглядывая так же освещённый из невидимых источников зал. Точнее, ангар. В просторном прямоугольном подземном бункере стояла натуральная летающая тарелка.

– Ну, логично, – констатировал сын, оставив в покое сдвижную стену. – Инопланетная база, инопланетный корабль, ага.

2

– Как-то у них тут бедновато, – неуверенно резюмировал нашу общую мысль сын. Действительно, от ангара с летающей тарелкой ожидаешь наличия оборудования, предназначенного для её обслуживания, а тут ничего. То есть совсем ничего! Такое впечатление, что капсулу сюда поставили захватчики-земляне, причём ещё в процессе строительства. Потолок бункера выглядел монолитной бетонной плитой. Нет, возможно, он тоже сдвигался вбок, но тогда земля сверху неминуемо должна засыпать метровым слоем всё помещение.

– Люк! – На этот раз отличилась Вася. В отличие от меня, мучающегося дурацкими вопросами, и брата, восхищённо пускавшего слюни на «тарелку». Держу пари, парень решал, что лучше: стогнать на Луну или сначала в Москву к школьным приятелям, похвастаться; прагматичная дочь продолжала вслушиваться в работу пресловутых кристаллов. И безрезультатно. – Да-а, внутри тоже что-то не густо с обстановкой.

– А ну, дай глянуть! – Старшенький пулей унёсся к противоположному борту космического – эм, все-ленностного? – корабля прежде, чем я успел среагировать. Так, надо собраться, сейчас это особенно важно. Хотя Ната и сказала, что здесь ничего опасного для нас нет, но...

– Вот это хре-ень! – Голос сына из люка донёс целый букет эмоций. Люк, кстати, выглядел один в один как трап какого-нибудь бизнес-джета из кино. В откинутом состоянии вполне обычные ступеньки. Внутри маленькая круглая каюта без иллюминаторов, зато с диваном, охватывающим невысокое возвышение в центре разорванным кольцом. Крышка возвышения оказалась откинута, а из отверстия торчали, да, две детские любопытные задницы.

– Гор. Лисса. – Не знаю почему, но именно эти сокращения от имён наших детей больше всего нравились моей супруге, именно их она особо твёрдым голосом чеканила, если хотела показать недовольство нашими замечательными отпрысками. Сработало. Соответствующие части тел вздрогнули, детки соизволили вылезти и вернуться в положение, более подходящее прямоходящему виду разумных существ. Внутри тарелки-капсулы сразу стало тесно. – Что там?

– Камень, то есть кристалл! Огромный! – Егор немедленно забыл, что его собираются отругать, и едва не подпрыгивал на месте. – Он такой тёплый и... и...

– Это двигатель, – авторитетно заявила Вася и нехотя добавила: – Очень сложная штука. Ничего не поняла, но, кажется, знаю, как запустить.

– И не сказала?! Покажь скорее! – Брат вознамерился немедленно залезть в моторный, как выяснилось, отсек, теперь, судя по энтузиазму, целиком.

– Стоять! – Словами я не ограничился, стребая мелких в охапку. – Это билет в один конец, помните? Капсула настроена на переход к маме на родину. Сложим вещи, сядем сами, только потом будем пробовать.

Улыбки детей разом потускнели. Проклятье! А что ещё оставалось делать? Всё серьёзно, как никогда. То, что инопланетяне живут где-то в другом слое реальности и генетически такие же люди, как и мы, вовсе не отменяет нашего присутствия на их базе, пусть и законсервированной. Даже на самой банальной автобазе какого-нибудь сонного провинциального городка можно найти кучу опасных вещей, от топлива до сварочного аппарата, что уж говорить о фактически космодроме? Или как там, вселеннодроме?

– Первая задача. Прежде чем лететь, надо найти мамину запись. Ту, которую она оставила, попав к нам на Землю. Это где-то здесь, и, кроме вас, её никто не найдёт, – напомнил я и, не удержавшись, заглянул в двигательный отсек, полюбовался на слегка мерцающие грани огромного кристалла – штука больше метра диаметром! – и, подпустив в голос просительной

интонации, добавил: – Давайте закроем капот. А то я помню, как вы «помогли» мне с машиной пять лет назад.

Дети дружно фыркнули, переглянулись и засмеялись. Кто считает, что детские ручки слабые и не способны на деструктивные действия особой мощности, пусть так не думает. Минута. Ровно минута, пока я забирал из багажника провода для «прикуривания» от аккумулятора, потребовалась детям, чтобы вывести из строя систему зажигания, шлейф от контрольных датчиков и – не поверите! – повредить проводку к правой фаре. Последнее стало для меня особенной загадкой. Но как?! Можно, конечно, сослаться на пси-обучение... если бы не мои собственные подвиги в пять лет, когда, вооружившись пластиковой игрушечной отвёрткой, я разобрал монументальный отцовский ламповый радиоприёмник! Потом, уже в более вменяемом возрасте, я разглядывал блокирующие тяжёлую металлическую крышку винты и тоже задавался вопросом: «Но как?!» Не иначе, меня настигло кармическое воздаяние.

– Ладно, хватит, хватит. – Я проследил, как крышка плавно становится на место, и слегка выдохнул. Что можно сломать в кристалле-двигателе? Даже знать не хочу! – Сначала ищем запись. Есть идеи, где?

Найти дневник оказалось несложно. Логика такова: Ната сначала остановилась где-то, гм, пожить, а потом стала вскрывать инструкции. Нужно найти дом с признаками того, что в нём жили, ну а дальше дело Василисы. Пока мы осматривали постройки, я уточнил у Егора, насколько точно он может чувствовать и определять кристаллы. В ответ сын сначала замялся, потом нехотя признал, что тут Васяка его обошла.

– Зато она не может так! – Извлечённая из кармана куртки увесистая шишка (и когда он успел её подобрать) со свистом стартовала из ладони. Он даже не попытался её кинуть, просто разжал пальцы. – Круто?

– Впечатляет. – Я проследил, как, пусть и опознанный, тем не менее противоестественно летающий объект приземляется в заросли на краю поляны. – Ты же раньше так не мог?

– Да ему камни в земле помогают, пап! – Младшая немедленно разоблачила брата. – Они как бы создают зону другого этого коэффициента затухания пси-воздействия. Вот. Немножко совсем вроде от других мест отличается. Не знаю, как объяснить.

– Ага, и объяснить не можешь, и бросить, как я! – Егор надулся от гордости.

Ответ последовал незамедлительно:

– Ой-ой-ой! А кто тебе предложил попробовать? Не я, скажешь? Так бы и ходил, как лох!

– Дети, – я потёр лоб, – вы оба молодцы. Может, объясните, что с этими камнями-кристаллами такое?

– Мы, когда возвращались домой из школы, словно в другое место попадали, так хорошо становилось! Будто уже отдыхали два часа и полны сил, – поведал Гор. – Оказалось, это мамин камень так работает, я тоже разобрался. А тут их много, и получается такая аномалия. Как в том ужастике, ну, где коровы терялись, а потом прямо из земли полезло...

– Заткнись! – Вася сделала движение, будто хотела зажать уши. – Ты же знаешь, я терпеть не могу всякое такое!

– Но мы как раз в центре...

– Вот именно! Нашёл, где рассказывать!

– Извини. – Егор не поленился подойти к сестре и взять за руку. – Просто тут всё будто насквозь чувствовать можно, вот я и не подумал. Ну, ты чего?

– Ладно, проехали. – Насупившаяся Василиса шмыгнула носом и махнула рукой. – Пошли уже.

И двинулась к дальнему дому, который мы должны были осмотреть одним из последних.

– Вася, – я догнал дочь, – почему туда?

– Так мамин дневник... ой. – До неё дошло.

– Кр-руто. – Егор попытался сделать одухотворённое лицо, видимо, концентрировался на ощущениях, и покачал головой. – Ничего не чувствую. Знаешь, даже завидно.

– Прогиб засчитан, – снисходительно оповестила маленькая манипуляторша, зная, что более всего брат терпеть не может того, что у неё вызывает страх. Именно так она, кстати, и отучила Егора смотреть фильмы ужасов. – И ты, кстати, прав, тут, в центре, всё ощущается гораздо лучше, а мы кругами по деревне ходили.

Н-да. Косяк. Причём мой. Мне сначала тут было очень не по себе, а уж выйти на середину открытого места и вовсе казалось плохой идеей почему-то. Видно, я тоже отчасти чувствую пси, только совсем не так, как те, кто могут ею управлять. А что будет во Вселенной-один с её низким затуханием? Впрочем, туда ещё предстоит попасть.

Кристалл гордо лежал посреди стола небольшой и какой-то уютной комнаты, такой же пустой, как и в доме над ангаром, но чем-то неуловимо отличавшейся. По крайней мере, здесь сохранялось жилое ощущение, или я просто стал привыкать к воздействию? Кроваво-красный кристалл, по сравнению с булыжником из нашего дома, казался маленьким. Размером чуть больше крайней фаланги мизинца, но от него исходило некое ощущение, нет, не угрозы. Кристалл словно спрашивал: «Ты точно хочешь взять меня в руки?» Почувствовал это не только я, дети остановились, не дойдя до стола одного шага, переглянулись, и камень решительно взял Егор. Повертел в руках, удивленно вскинул брови. Ощущение давления пропало как отрезанное!

– Дай мне, – тут же потребовала дочь и, заполучив просимое, застыла, зажмурившись. Несколько секунд ничего не происходило, старшенький начал как-то подозрительно переминаясь. Вовремя я отвлёк его от двигателя тарелки!

– Ага! Явились-таки. – Звонкий голос Наты заставил дёрнуться и меня, и сына, только Вася осталась неподвижной. Я крутанул на звук, и, да, в юной девушке мгновенно узнал свою любимую и одновременно не узнал. Короткая стрижка – ладно, но волосы красного цвета?! Впрочем, волосы это ещё что, выражение «я тут королева, а вы все смерды», которого я у супруги даже представить не мог, украшало личико, гм, инопланетянки. По крайней мере, на эту мысль наводила одежда, представляющая собой красный бесшовный комбинезон, облегающий тело, одновременно и одежда, и обувь. Отдельные утолщения наводили на мысли о встроенном компактном оборудовании и защитных элементах, как в «черепахах» байкеров. Девушка стояла и молчала, как живая, демонстрируя предполагаемым собеседникам степень недовольства. Немного портило картину «гордый профиль и чёткий шаг»² отчётливо слышимое раздражённое сопение, по моему мнению сводящее на нет весь эффект и вызывающее только умиление. До Дарта Вейдера Нате было далеко. Видно, она и сама это сообразила. Фигура «неголограмма» поменяла позу и обратилась к нам с обличительной речью:

– Дядя! И папа! Вы не охренели совсем уже? – От обвинительной, откровенно детско-обиженной интонации я аж закашлялся от неожиданности. Судя по широко раскрытым глазам, Егор тоже словил нехилый когнитивный диссонанс от такой мамы. – Я понимаю – тренировка. Я понимаю – дождаться, когда вы решите проблемы. Но как минимум пятнадцать лет! Я же... я же старой стану!!! Ну, не старой, но я ж здесь со скуки помру! Вы вообще видели, что тут вокруг? Джунгли! Дикие! С кусачими летучими тварями! Я на двадцать метров от периметра отошла, меня чуть не сожрали! Какой тут на хрен университет?! Тут вообще репульсорный подвес изобрели или, как древние варвары, на лошадях ездят верхом? Ну, удружили. Р-родственнички. Вот от вас я такого не ожидала! – Девушка сделала несколько энергичных вдо-

² Михаил намекает на строчки из поэмы «Про Федота-стрельца, удалого молодца» Леонида Филатова: Гордый профиль, твёрдый шаг, Со спины – дак чистый шах! Только сдвинь корону набок, Чтoб не висла на ушах!

хов и выдохов и уже другим, заметно более спокойным голосом сообщила: – Вы меня пытаетесь защитить, я понимаю, но в этот раз вы перегнули палку. Я ознакомлюсь с инструкциями на кристалле Хранителя и поступлю, как вы мне сказали. Но это последний раз! Мне до благородного совершеннолетия оставалось меньше года, а вы! Да, долг семье священен, я помню. Я всегда – всегда! – выполняла то, что вы мне говорили. Особенно ты, дядюшка. Ну, извини, что я попала в «тупой красноголовый десант». Я понимаю, ты разочарован, но я сделала это не намеренно, меня сюда продвинули по результатам приённого тестирования. И учти, вернувшись, я намерена отдать долг родине до конца. Никто не скажет, что семья Воля пренебрегает имперскими законами и традициями своего славного рода! Вы в своих штабах, верно, забыли, что у тех, у кого низкое звание, может быть своя воля и своя честь? Н-да, и что я воздух сотрясаю, верно? Интересно, вы и вправду считаете, что на планете с пси-коэффициентом «четыре» мне безопаснее, чем в расположении части? Единственное, что меня останавливает от того, чтобы реактивировать капсулу, – я всё-таки солдат, а вы, как ни крути, мои командиры. Я выполню ваше хреновое задание, пусть оно и заключается в не нужной никому разведке отсталого мирка неизвестно где, ах, за пятнадцать последних лет с тех пор, как отозвали наблюдателя, тут столько могло измениться, ужас-ужас. Тьфу! И я буду КАЖДЫЙ день тренироваться, раз уж вы меня этим заманили. Когда вернусь, у меня будут не только вопросы, но и силы их вытрясти, те самые силы, на нехватку которых вы сослались, засовывая меня сюда. До встречи. Кристалл оставляю на видном месте, остальные записи буду вести в камень Хранителя. Все ваши секретные распоряжения я перед этим потеряла, можете не переживать. Всё. Офицер Натана Воля. Запись окончена.

Проекция исчезла, Василиса открыла глаза и немного дрожащей рукой стёрла выступивший на лбу пот. Мы молчали, сказать было нечего. Офицер? Десант? Нату отправили сюда от войны? С другой стороны, понятно, почему её сообщение на кристалле Хранителя (наверняка это наш домашний камень) такое расплывчатое. Любимая открылась мне с совершенно неожиданной стороны. Дела! Большой вопрос, безопасно ли лезть в мир Наты. Раз родственники её сюда закинули, дело закрутилось нешуточное. А жена у меня хороша. Аж целый элитный боец, десантник... «Меня папа научил». Ага, ага!

– Пап, у меня вопрос. – Егор внезапно вмешался в ход моих мыслей. – Мама... она оставила эту запись для своих родственников, так?

– Ну да. – Я посмотрел на неожиданно серьёзного сына, что-то усиленно обдумывающего.

– Тогда почему мы её понимали?

Резонный вопрос. И вот это интересно.

3

Дети попробовали мне объяснить принцип действия кристаллов. Дети. Мне. То, что сами не понимают, но «так чувствуют». Н-да, ладно. Если объединить плод их совместного креатива в жанре «описать неопишемое» и элементарную логику, получалось примерно следующее: прозрачный гранёный псионический камень – это что-то вроде флешки со встроенным плеером или плеера со встроенной флешкой. Понятно, короче. Причём хранить на такой флешке можно что угодно, а воспроизводить она может только звуки, то есть некий вариант воздействия. Наша домашняя стекляшка была настроена на локальное изменение (насколько это вообще возможно) коэффициента пси-затухания и на создание приятной атмосферы в квартире. Кристаллы, обеспечивающие периметр базы, собственно, работали так же, только вместо позитивного ощущения создавали у людей и животных негатив, заставляя покидать территорию деревни Омуты. Откуда бралась энергия для работы этих функций – ещё один интересный, но не актуальный вопрос. Во-первых, узнать неоткуда, во-вторых, было кое-что более важно-срочное.

– То есть ты хочешь сказать, что вот эта штука, – показал я на красный камень в руках младшенькой, – использует твой мозг для проигрывания записей?

Василиса неуверенно кивнула. Похоже, ей такая мысль не особо нравилась, но другого объяснения не было.

– Получается, раз мама не учила тебя работать с кристаллами, носитель использует твою нервную систему самостоятельно?

У кого я это спросил – у дочери или сам у себя. Лисса, услышав такую замечательную новость, аккуратно положила красный камень на стол и быстро-быстро отошла к дальней стене. Молодец, напугал единственного доступного оператора. С другой стороны, скрывать свои выводы от дочери я никогда и ни за что не стал бы. Это не просто подло, это мерзко!

– Нет, неправильно. – Егор, тоже задумавшийся над моими словами, поднял на нас глаза. – Мама учила нас чувствовать друг друга. С обычными людьми так никогда не получалось, но между собой можно даже передать какую-нибудь простую мысль: слово или образ. Нужен только прямой контакт и очень-очень сосредоточиться на том, что хочешь, а у мамы даже по два-три получалось! Образа.

Сын, вспомнив про Нату, приуныл, да и то, что собирался рассказать дальше, его, похоже, не слишком радовало. Я нашёл глазами Васю, та, наоборот, теперь хмуро смотрела в пол.

– Мы пытались позвать маму, – совсем уже тихо закончил Гор. – Вместе. Одновременно. Так должно действовать сильнее. На пределе сил, – за пределами. И когда начали, сразу почувствовали в комode отклик. Как блик, отражённый от зеркала. У Васки передавать всегда получалось лучше, вот она и схватилась за камень. Мы думали, может, это что-то вроде сотового, только под наши способности. Сестра позвала, и мама появилась, только это была та запись.

Я подшагнул к сыну и крепко прижал к себе. Для этого даже не так уж сильно пришлось наклоняться, он вымахал уже. Явно выше меня ростом будет, когда вырастет. Я постарался не подать виду, что заметил тихий всхлип. Маленький мужчина терпеть не мог плакать. Как, кстати, и Василиса. Удивительно, но младшенькая старалась никогда не показывать слёз. Честно. Я и сам был не слишком спокоен, потеря Наты для нашей дружной семьи была сродни катастрофе. Не знаю, как бы мы смогли это перенести, если бы не её заранее подготовленное послание. Я обнимал детей, которые наконец смогли выпустить всё своё горе и страхи в облегчающих душу слезах, и сам чувствовал, как меня отпускает. Наверное, несмотря на «не-голограмму» и однозначное послание, я никак не мог поверить в то, что мы найдём возможность переместиться куда-то. Даже летающая тарелка не убедила. Подспудная уверенность, что чудес не бывает, не давала мне до конца принять происходившее. И только сейчас, после рассказа

детей, после очередной записи я наконец проникся. Да, моя жена из другого мира. Да, туда можно попасть. И да, мы, чёрт возьми, так и сделаем, перевернём там всё, если потребуется, чтобы найти Нату!

– Ну-ка, спиногрызищи, всем немедленно приободриться, мы летим в гости к родственникам мамы, – максимально уверенным тоном произнёс я. Дети, на лицах которых сквозь лёгкую припухлость носов и век проступило нешуточное удивление, подняли на меня глаза. – Слышали же, отец и дядя нашей Наты какие-то армейские шишки. Нужно будет показать им, что мы на нашей «отсталой» Земле тоже не лыком шиты и мама вас прекрасно обучила. Готовы?

– Ещё как! – Егорка взмахнул руками, и во все стороны ударила слабенькая воздушная волна. Судя по немедленно округлившимся глазам отпрысков, такого у них ещё не получалось.

– Так держать! – Я всеми силами старался добиться, чтобы улыбка на моём лице не вышла кривой. – А теперь – собирать вещи и на борт. Наша капсула отходит в иную Вселенную сегодня же.

4

Я понял, почему тарелку Ната называла «капсулой». Круглая штука с кристаллом в качестве двигателя кораблём могла быть в той же мере, что и лифт поездом. Никаких функций полёта, что в целом логично, раз даже ремней безопасности нет, никаких возможностей управлять. Грубо говоря, капсула содержала только псионический аналог кнопки «нажми для старта», и всё. Это мы выяснили уже внутри, пока дети медитировали на камень-двигатель, из-за размеров к нему можно было даже не прикасаться. Они осторожно пытались найти другие ярлыки для управления, может быть, записи или инструкцию по эксплуатации. Ничего. Реально – капсула. Жми – и понеслась. Что ж, осталось только нажать.

– Дети, никто не хочет выйти напоследок? – намекнул я, чувствуя себя таким папашей всегда-на-работе, не заметившим, как выросли чада. Судя по тому, как дружно фыркнули дети, им пришло в голову то же сравнение. – Между прочим, я серьёзно. Мы не знаем, сколько продлится полёт, я уверен, что люк в моторный отсек не крышка унитаза.

Брат и сестра посмотрели друг на друга, на меня. На их лицах я прочёл что-то вроде опаски пополам с уважением. Типа, ну, батя задвинул. Они бы до такого... гхм.

– Ну как?

– Н-не. – Егор выглядел чуть неуверенно, я понимал почему, сам бы тоже, выходя один, думал нечто вроде «а вдруг она случайно стартует без меня, сама?». Ощущение сродни тому, что испытываешь, когда корабль вот-вот отойдёт от причала, и земля, такая вроде близкая, окончательно останется вне досягаемости, навалилось на нас многократно умноженным. «Билет в один конец» был только один на троих. И да чего тянуть? Все вещи внутри, мы тоже.

– Тогда, Лиса, вперёд! Стартуем.

– Что, прямо так? – Девочка внезапно растерялась. – Просто... просто так?

– Пристегнуться некуда и не за что, даже присаживаться на дорожку смысла нет, уже сидим. – Я оглядел детей и подмигнул сыну: – Могу сказать «поехали», хочешь?

– Хочу! – Разумеется, он хотел. – А можно я скажу?

– Нет, пусть папа, – внезапно серьёзно попросила дочь. – И, может, рукой махнуть?

– Ха! – Егор улыбнулся. – Молчу-молчу.

– Приготовились. – Я поднял руку, заодно пытаюсь понять, почему у меня лёгкое чувство чего-то не сделанного. Не дома же я уютг забыл? А-а, к чёрту! – Поехали!

Василиса зажмурилась, и свет-без-лампочек в капсуле чуть изменил оттенок.

«Не закрыли стену в ангаре!» – понял я. Тут сиденье подо мной натуральным образом провалилось.

Ездили в скоростном лифте? Тогда вам наверняка знакомо ощущение лёгкости и одновременно поднимающегося к горлу желудка. Разумеется, провалилось не сиденье, сама капсула начала свободно падать вниз. По счастью, невысоко. Кто бы ни разрабатывал машину, гм, машины перемещения между Вселенными, тарелкообразную форму он выбрал не зря и одновременно зря. С одной стороны, плоскости корпуса сыграли роль крыла-парашюта, с другой стороны, круглая хреновина без стабилизаторов начала заваливаться на бок! По счастью, я оказался с той стороны, что задралась вверх, и потому остался на месте, а вот дети буквально воспарили к центру капсулы вместе с вещами. Их я успел притянуть к себе в самый последний момент, они помогли, рефлекторно вцепляясь в подставленные руки. И тут наша посудина достигла, так сказать, пола.

Удар!

Двояковыпуклый диск – отличная форма, если предмету нужно перераспределить кинетическую энергию, запасённую при падении с высоты. Ткнувшись одним бортом, капсула, как монета, немедленно перекатилась через днище, задирая противоположный борт. Проблема в том, что не закреплённый груз в лице, собственно, груза и пассажиров в этот момент летел через моторное возвышение каюты в другую стенку. Каким чудом вместо головы мне удалось подставить спину, не понимаю. И ещё нас всех впечатало всё в тот же диван. И тут проклятая тарелка покатилась. Ну, не совсем покатилась, скорее, завертелась, как упавший и быстро останавливающийся волчок со всеми «спецэффектами» для тех, кто оказался внутри. Возможно, примерно так тренируют космонавтов на центрифуге, раскручивая с ускорением, потом с замедлением, но чего в тренажёре нет, так это рюкзаков! Повезло, что детские были совсем лёгкими, а мой, тяжёлый, удалось кое-как прижать ногами. Хорошо ещё свет не погас, и никто не налетел глазом или виском на что-то твёрдое. Правда, испугаться за детей я не успел, всё происходило слишком быстро. Несколько секунд, и лодка, то есть капсула, встала «на ровный киль».

– Все целы? – Я с некоторым трудом разжал руки. Наверняка у Гора и Лиссы останутся синяки на руках, а у меня на груди и спине. Чудо, что не сломал себе ничего. Мир продолжал крутиться мимо. Давно забытое ощущение после долгого кружения на карусели. Ну и тошнило, разумеется, после «аттракциона», а судя по тупой боли, затылком я всё-таки ударился.

– Вроде, – похоже, старшенький хотел сказать что-то другое, отнюдь не столь безобидное, но достаточно пришёл в себя и сдержался, – надо наружу.

– Ой. – Дочь отодвинулась от меня, что-то рассматривая на моей куртке. – Кровь носом пошла, прости, пап. И голова кружится. И душно.

– Да ничего, ничего. – Я нашупал салфетки, одну взял себе, остальные протянул девочке. – Егор, можешь открыть люк?

– Да. – Сын уже добрался до выхода. – Сейчас.

Раздалось отчётливое шипение, начал меркнуть свет, правда, взамен разгоняя темноту за пределами капсулы. Я обругал себя последними словами, кинувшись мимо Васи к люку, сам не знаю зачем. Не было бы за бортом воздуха, мы бы его весь уже выпустили. Видно, просто разница в давлении...

– Ого! – Егор уже спустился и потрясённо глядел куда-то вверх. Пришлось срочно выбираться за ним.

– Ого!

Аналогичная реакция была у меня. Мы находились в ангаре. Опять. Точнее, в ангаре, наверное. Огромное помещение – до потолка добрых двадцать метров, как восьмиэтажный дом – еле-еле освещённое, судя по всему, от кристалла капсулы. Тот же самый серый бетон, пол, потолок, стены. И абсолютно пусто, только у одной из стен угадываются контуры огромных, но кажущихся маленькими по масштабу с помещением ворот. Закрытых ворот. И, судя по внушительным колесам замочных кремальер, очень, ну очень прочных защищённых ворот. И все. Ах да, ещё пыль на полу. Тоненький такой слой. Интересно, когда люди были здесь последний раз?! Вот тебе и тёплый родственный приём.

5

– Ну что? – спросил я детей, застывших у ворот в одинаковых позах.

– Ничего, пап. – Жмурящийся Егорка открыл глаза. – Тут нет кристаллов, кроме наших.

– Василиса?

Девочка в ответ только покачала головой. В руке у неё был зажат наш домашний камень, но мне всё равно пришлось достать из рюкзака фонарь. Почему-то здесь пси-освещение словно растворялось в объёме гигантского ангара, фонарик не работал. К тому, что большинство наших вещей в процессе подготовки к поездке скупались второпях, не очень глядя на цену, и далеко не все нормально перенесут посадку капсулы, я был готов. Однако, когда не заработал второй фонарь и запасной, стало неприятным сюрпризом. Сотовым, что ли, себе подсветить? Ага, и мобильникам, несмотря на противоударный контейнер, тоже каюк. Уже ни на что не надеясь, я достал практически со дна разворошённого рюкзака ещё один фонарь, взятый из дому довольно старый «varta» с большим рефлектором и обычной лампой накаливания. Именно он заработал. Просто чудесно – сохранилось именно то, что настоятельно рекомендовалось беречь от ударов. Обожаю теорию вероятности.

– Пап! – Егор отвлёк меня от мысли, что неработающее, пожалуй, стоит оставить здесь. – Рации тоже не работают. Даже не включаются.

Ну да, надеяться на сотовую связь в тайге глупо, и я купил три туристических мобильных рации. Как мне обещали, в условиях леса связь будет, чуть ли не на десять километров. Так и не воспользовались, как, впрочем, и палаткой, и компактным примусом, и ещё много чем.

– И приёмник – даже не шипит. – Василиса раскопала у себя в вещах рекомое устройство. Уже предполагая, что увижу, я попытался включить туристический навигатор. Бесплезно. Ни одной надписи на дисплее, никакой реакции на нажатие кнопок. Похоже, переход в другую Вселенную не пережила только электроника.

– Вот что. Оставим перед воротами всё, что не работает. Не знаю, что за дверью, но тащить сломанное на себе – точно плохая идея. Проверяем и выгружаем прямо на пол. – Я подал пример, складывая рядом с «умершими» фонарями телефоны, рацию и навигатор. – Давайте, давайте, и я попробую открыть дверь вручную.

Дочь послушно выполнила распоряжение, к вещам отправилась электронная книга. А вот сын замешкался, как-то виновато посмотрел на нас и вытащил портативную игровую консоль. Н-да. Дети – иногда такие дети. Просил же не брать лишний вес.

– Я подумал, мы навсегда уходим, как мама сказала. – Щёки сына отчётливо покраснели. – Вот я и... Это подарок. Кто ж знал.

Не то чтобы Егор фанател по компьютерным играм, на самом деле вещь была скорее статусной. Крутые мобильники у всех есть, а вот мобильную приставку можно увидеть (или выпросить поиграть) только у него и немногих счастливчиков, кому родители купили такую «бесполезную вещь». Собственно, из-за того, что мальчик честно озвучил именно этот аргумент, мы с Натой разорились на этот недешёвый подарок, конечно, с условием, что результаты учёбы не «просядут». В общем, ценность у пластиковой мыльницы с кнопками и экраном в глазах отпрыска была немалая, неудивительно, что он потащил консоль с собой.

– Ничего страшного. – Я попытался приободрить старшенького. – Мама обещала нам мир будущего с космическими кораблями. Представляешь, какие тут игры?

– Да уж! – Дети, похоже, уже забыли, глядя на неприветливую обстановку, что именно нас должно ждать по ту сторону броневорот. Надеюсь, не вакуум. И ведь не проверить никак. В любом случае брат и сестра ощутимо приободрились, даже в глазах появилось этакое предвкушение. – Но, может, всё-таки не будем оставлять на полу? Жалко.

– Сложи у стеночки, – фыркнула Вася. – Кто их тут возьмёт?

– Ну, мало ли. Мы же сюда попали. О! Тут люк в стене!

Серая крышка технического люка почти сливалась по цвету с материалом стены. Технического потому, что размеры у него метр на метр. Явно не под человека сделаны. Как выяснилось, даже конструкция была аналогичной земной: петли, магнитная защёлка, удерживающая крышку в закрытом состоянии. А внутри...

– Кажется, здесь не всегда было так пусто, – глубокомысленно резюмировал Егор.

Почти весь объём технологического канала за люком занимали кабели. Толстый-толстый пук кабелей, аккуратно перерезанных так, чтобы ничего не торчало снаружи. В свете фонаря блестел на срезах металл одних коммуникаций, мелкими искорками вспыхивали тысячи маленьких отражений лампы на незнакомом стеклянном веществе других, третьи вообще содержали внутри оплётки что-то вроде керамики. Я не рискну говорить за незнакомых мне инопланетян, но если смотреть с точки зрения родной Земли, то в зале некогда находилось серьёзное оборудование, требующее, как минимум, электропитания, остальные коммуникации вполне могли служить для передачи потоков данных или дистанционного управления. Проверая свою гипотезу, я повёл лучом фонаря вдоль стены и быстро обнаружил ещё один такой же люк. Скучная подсветка сыграла с нами злую шутку. Вдаль свет фонаря тоже быстро рассеивался, но и на полу я смог найти пропущенное отверстие, аккуратно забранное круглой крышкой. Да, не похоже, что помещение заброшено. Скорее, его законсервировали. Как когда-то ненужные ракетные шахты у нас в России, например.

Плохо. Плохо-плохо. Если зал действительно часть военного объекта, а так оно, скорее всего, и есть, Нату отправили на Землю приказом по службе, а значит, родственники жены, как минимум, не смогли добиться организации хотя бы инструментального наблюдения за местом, куда должна была вернуться их дочь. Следовательно, они или настолько потеряли влияние, или... лучше об этом не думать. С другой стороны, может быть, потому они сами Нату и забрали, зная, что здесь её некому встретить? Разумеется, она рассказала про детей, но быстро вернуться по каким-то причинам не смогла. Тогда нас должны ждать здесь или снаружи от объекта.

Пришлось усиленно помотать головой, вытряхивая лишние мысли. Тяну. Я просто тяну время, боясь открывать чёртовы ворота. Вдруг они не откроются. И... Короче, я, косясь на то, как хозяйственный Егор с сестрой затапливают вышедшую из строя электронику в люк технологического канала, взялся за штурвал. Усилие – не идёт. А в другую сторону? Кремальера под моими руками неожиданно легко поддалась. Крутить, правда, приходилось с заметным усилием, видимо, внутри створок скрывался передаточный механизм. Поворот, поворот, поворот. После пяти минут кручения колеса створка дрогнула и медленно начала откатываться вбок. Я проморгался, кристалл в руке Василисы неожиданно будто мигнул и прибавил в яркости, и вроде как световой круг вокруг капсулы увеличился.

Видимо, запорный механизм дверей был одновременно и механизмом открытия. Створка отошла в сторону примерно на полтора метра и застыла. Разогнав темноту фонарём, я увидел всё те же серые стены, пол и потолок. Такой же пустой, как и зал-ангар, коридор во всю ширину врат. Ну, хоть что-то, по крайней мере, понятно, куда идти.

6

Всё-таки «собери рюкзак по рекомендациям в Интернете» никогда не заменит собственного опыта. Часы. Банальные ручные механические часы на случай, если откажет электроника (например, путём длительного погружения в воду). Впрочем, скорее всего, часы бы я тоже угробил, не из-за перехода капсулы между Вселенными, а сам во время приземления. «Закон подлости» – рабочее приложение теории вероятностей. А, ладно.

Итак, мы бродили по законсервированной базе несколько часов. Субъективно, потому что объективно померить время не имелось возможности. Скорее всего, весь комплекс построек был тупо подземным, по крайней мере, ни одного окна так и не встретилось. Зато дверей в избытке. Двери обычные, открывающиеся поворотом на петлях. Двери сдвижные. Ворота сдвижные и подъёмные. В толще бетона (или материала, похожего на бетон – не строитель я) прятался целый комплекс из переходов, больших и малых залов, комнат проходных, комнат тупиковых. Всё это, благо, находилось на одном уровне, иначе мы бы точно заблудились в трёхмерном лабиринте на раз-два. И так догадались зарисовывать только после первых двух развилок.

В целом, через энное время и два привала плюс несколько раз перерисованный в условном масштабе маршрут, логика неведомых строителей стала более-менее понятна. Зал, где материализовалась тарелка, располагался где-то в центре сооружения. Вокруг широким кольцом, правда прямоугольным (да, да, я знаю, как это звучит), группировались другие помещения. По счастью, создатели комплекса не парились с геометрией, и все углы были абсолютно прямыми, так что мы и без компаса могли примерно прикинуть, где находимся. Замкнутый коридор пронизывал кольцо и образовывал, э-э-э, ступенчатый квадрат. В общем, вёл не абсолютно прямо, а петлял прямоугольными изгибами, то и дело упираясь в очередные врата. Далеко не такие серьёзные, но каждый раз приходилось тратить время, отыскивая возможность открыть преграду вручную, потому что приводы отсутствовали везде. Что не мешало проклятым демонстражникам педантично закрыть нам выход столько раз, сколько это вообще возможно.

По счастью, то ли из-за размеров коридоров, то ли из-за всё-таки работавшей в пассивном режиме вентиляции, дышать было можно везде, однако воздух ощутимо отдавал затхлым. Надо ли говорить, что, встретив в конце концов ещё одни ворота, копия самых первых бронестворок, мы обрадовались и насторожились.

– Переход на следующий уровень, – уверенно провозгласил Егор, осмотрев преграду.

– Или ещё один тупик. – Василиса порядком утомилась, но держалась и упорно старалась показать, что она ещё ого-го сколько пройдёт. На самом деле протопали мы не так и много, но уж больно давило окружающее. Я бы успел напрочь разрядить единственный работающий источник света, если бы не светящийся домашний кристалл у дочери.

– Не тупик. – Старшенький постучал по металлу преграды. – Тут даже надписи есть, а на той не было.

– Надписи?!

Мы с Лиссой немедленно подскочили к указанному месту, я включил фонарь.

– Ты уверен, что это надпись? – Девочка высказалась и за меня. – Больше похоже на штрихкод.

– Клинопись! У нас в учебнике в прошлом году была большая картинка про Древний Египет. Вы ещё не проходили.

– Ну, вот ещё! – Лисса надулась. – Они картинками рисовали слова. И-е-роглифами, вот.

– Это только жрецы, остальные себе мозги не ломали, писали чёрточками и точками, – снисходительно пояснил Гор.

У меня закралось смутное подозрение, что ребёнок что-то перепутал³, но память отчаянно сопротивлялась. Да и какое это имеет отношение? Все равно прочесть не можем. Шрифт Брайля⁴. Эх, надеюсь, тут написано не предупреждение вроде «не открывать – ядовитая атмосфера». Плохо. Опять придётся проверять на себе.

После пяти минут однообразной работы руками створка послушно поползла в сторону, и кристалл в руке Васи опять отреагировал: разгорелся ярче, будто даже замерцал. Я уже открыл рот, чтобы спросить, но осёкся – зажмурившаяся дочь широко распахнула глаза и неуверенно махнула рукой во тьму за воротами:

– Пап, там и правда выход. Я чувствую. Егор?

– Что-то такое... не уверен.

Я выглянул в проход и, не удержавшись, хмыкнул. Коридор, ровный и прямой, в первый раз за время блужданий под небольшим углом поднимался вверх, причём дальний конец терялся в темноте. Неужели почти выбрались?

Монотонный подъём оказался коварен – вроде совсем не сильно в горку, но ноги у меня загудели уже через пару десятков минут. Ещё через десять минут я уже был готов объявить очередной привал, однако дети шагали и шагали как ни в чём не бывало, даже не много обогнав меня. Неужели дело в рюкзаке? Совсем недавно брат с сестрой ощутимо притормаживали движение, а теперь в балласте я? Вот ведь, старость не радость. Хотя я как-то не ожидал «поймать» старость до тридцати пяти. Да и не в такой уж я плохой форме! Я...

– Папа, у тебя ноги болят? – Вася внезапно остановилась, встревоженно разглядывая меня. – Ой, и спина тоже?

– Э-э-э... – Вот так сознаваться в своей слабости перед собственными детьми мне не хотелось, но младшенькая даже не стала дожидаться, пока я что-нибудь скажу.

– Пап, я знаю, что делать! Садись на рюкзак. Егорка, что стоишь как чурбан? Помогай!

– О! – Парень отвис и метнулся следом за сестрой.

У меня на языке так и крутилось «а может, не стоит?», но показывать, что сомневаюсь в своих детях? Хрена с два! В крайнем случае, просто посижу, ускорять процесс заживления ран и снимать усталость у отпрысков всё равно нормально никогда не получаю...

– Ауч! – Хорошо, что от мата при детях я рефлекторно сдержался. В правую икру как раскалённую спицу всадили.

– Егор! Косорукая жаба! – До того внимательно ощупывающая мою левую икру через ткань штанов, дочь толкнула брата, тот отлетел, будто ему со всей силы «зарядил» в плечо взрослый человек. – Ой.

Я вскочил, в два прыжка долетел до сына, лежащего на спине и удивлённо лупающего глазами. Судя по лицу, ему даже больно не было.

– Гор! В порядке?!

– Д-да. – Старшенький ухватился за мою руку и легко встал. – Даже не больно.

– Извини, пожалуйста. – Младшая выглядела потрясённой. – Я... ты... никогда от простого «усиления»... прости!

– Да и я никогда. – Дети переглянулись и вдруг замолчали. А до меня внезапно дошло: ноги больше не болят. Ни одна, ни другая.

³ Клинопись вообще-то шумерское изобретение, тут Михаил прав. Егор же запутался. С одной стороны, небезызвестные «законы Хаммурапи», благодаря которым была проведена первоначальная расшифровка египетской иероглифики, действительно были записаны на стеле, найденной на раскопках в Междуречье рек Тигр и Евфрат, в трёх вариантах, включая иероглифы и клинопись. Вероятно, это был своеобразный «договор о едином законодательном пространстве», было даже выдвинуто предположение, что шумерский в Древнем Египте был своего рода «бизнес-языком» для международной торговли, как сейчас английский. С другой стороны, у древних египтян два варианта записи – культовый и бытовой, второй, грубо говоря, скоропись.

⁴ Шрифт Брайля – запись, доступная для слепых, читать её можно, касаясь текста рукой. Принцип разработан Луи Брайлем в 1824 г. и используется до сих пор.

7

– Мама говорила про лечение. Помнишь? – Василиса после нашей вынужденной остановки была предельно серьёзна и сосредоточена. Внезапно многократно усилившиеся ее способности, в отличие от Егора, не столько вдохновили, сколько напугали.

– М-м, многократное ускорение локальной регенерации биологических тканей из-за стимуляции деления клеток производится на глубину воздействия... – Старший на ходу даже закрыл глаза, чтобы процитировать ближе к тексту. – А что?

– То, что ты с папиной ногой делал, это не лечение. Я видела. И почему я этого воздействия не знаю?

– Ну, это... – Брат замялся, но потом со вздохом раскололся: – Мама показала однажды, когда я ещё раз по поводу тренировки пожаловался. Нас на айкидо сенсей заставил общеукрепляющие упражнения делать после года растяжек, мышечную массу набирать сказал. Час занятий, а потом ноги-руки как ватные и болят. Мама сказала, молочная кислота накапливается, и научила ее ускоренно метаб... разрушать, короче⁵. Правда, это долго делать надо было, а тут – р-раз. Но она мне не сразу показала, только через три месяца, а у твоей группы как раз до этого этапа занятия должны были.

– Ага. – Девочка отвернулась от брата, переведя взгляд на однообразную стену наклонного тоннеля. Впрочем, я заметил, как она исподтишка то и дело бросала взгляды на меня, точнее, на подвергнушуюся её лечению конечность. Хотя я и заверил дочку, что всё хорошо и ничего неприятного не чувствую, её, кажется, это не успокоило. Однако сделать она всё равно ничего не могла, тем более не здесь, мы уже отшагали больше часа, а наклонный тоннель всё тянулся, тянулся и тянулся.

По моим прикидкам, мы должны были подняться на приличную высоту, метров сто или около того, похоже, база залегала в коре планеты на большой глубине. Впереди не просматривалось и намека на свет в конце тоннеля. Прямой, как стрела, уже порядком наскучивший своей однообразностью коридор-пандус чернел одинаковой темнотой что спереди, что сзади. Свет фонаря бессильно рассеивался, не освещая и трёх десятков метров. Тревожно мерцающий свет камня, пусть и заметно прибавивший в яркости, не набирал и того. Идти вперёд и вверх – не самое разнообразное времяпрепровождение...

Хрр-рп! Тихий, но отчётливый звук заставил нас замереть, как вкопанных. Дети инстинктивно сделали шаг ко мне, но Егор тут же выступил вперёд, сбрасывая рюкзак и принимая что-то вроде боевой стойки. Я судорожно крутил головой, но в пятне света-без-теней ничего, что могло бы издать звук, не просматривалось. И никого, соответственно, тоже. Не было даже камешков на полу, которые могли проскрежетать по бетону под подошвой ботинка. Сыну тем временем надоело озиаться по сторонам. Он прикрыл глаза и сделал резкое движение руками.

Ф-фух! В лицо, поднимая пыль, ударил резкий порыв ветра. Фантастическое зрелище. Я прямо увидел, как воздушная волна кругом расходится от ребёнка. Нечто подобное я видел только в кино с Джеки Чаном!

– Гор! Идиот, что ли! – Воздух разметал волосы Василисы и заставил её покачнуться. – Я тут почувствовать пытаюсь, а ты!

⁵ Молочная кислота – продукт анаэробного окисления глюкозы. Дальнейший метаболизм происходит заметно медленнее и требует усиленного кровотока, приносящего кислород и вымывающего излишки молочной кислоты для утилизации в других органах тела, в мышечной ткани. Вот почему не рекомендуется резко снижать физическую нагрузку – кровоток в работающей мышце усилен по сравнению с состоянием покоя (у спортсменов даже существует термин «заминка», наряду с разминкой цикл упражнений ПОСЛЕ тренировки), иначе натруженные мускулы становятся «набитыми» и при нагрузке вы чувствуете весьма неприятные ощущения. Если не обладаете псионикой, снять такое состояние досрочно можно банальной горячей ванной или попарившись в бане/сауне. Считается, что состояние «набитости» ускоряет рост мышечных волокон, вот почему Ната не показала сыну нужное умение сразу.

– Я подумал, вдруг невидимка. Я в одном кино видел. Ну, типа волна воздуха должна была заставить заколебаться маскировку.

– Идиот! Это так не работает!

Хрр-рп!

Повторный неопознанный звук заставил вздрогнуть всех, а я наконец вспомнил про сигнальный пистолет и немедленно обругал себя последними словами. Оружие надо было достать сразу же, как только мы открыли капсулу! Мало ли что? А я тут хожу с детьми(!) как по собственному дому! В нижние карманы моей штормовки изнутри были нашиты специальные секции под выстрелы 12-го калибра, по три с каждой стороны. Я заранее уложил два патрона пулевых, два картечных и две сигналки и теперь на секунду завис, решая, что взять.

Хрр-рп! Такое впечатление, что звук шёл сразу отовсюду, а не откуда-то с одной стороны. И он был...

– Васька! – Егор от избытка адреналина, уже не сдерживаясь, орал, тыча пальцем в руку сестры.

– А? – Младшенькая машинально подняла кисть на уровень глаз и разжала пальцы: на ладони ожидаемо лежал кристалл Наты. – А?! Трещина.

С тихим «хрр-рп» на камне, прямо на наших глазах, появилась ещё одна засечка.

– Бросай! – не своим голосом заорал старший.

Ф-фух! Василиса не заставила себя просить дважды, процессы деструкции в стекляшке, сопровождающиеся такими звуковыми эффектами, явно не располагали к эксперименту в стиле «давайте посмотрим, чем всё закончится, прямо у меня в руке». Пси-устройство вылетело из руки дочери и унеслось назад и вниз по коридору. Видно, порядком испугавшаяся Вася опять рефлекторно задействовала «усиление». Улетевший кристалл сдёрнул пятно освещения за собой, оставив нас в полной темноте. Светящаяся, быстро удаляющаяся искра после продолжительного полёта ударилась наконец о пол, мигнула, подскочила, ещё ударилась, ещё и ещё. Мы, молча, стояли и смотрели, дождались, пока источник света остановится, ещё постояли.

– Идём, что ли? – Я вытащил фонарь.

– М-может... – Егор нерешительно посмотрел назад. – Ну...

– Ты правильно поступил, и ты, Василиса, – приободрил я детей. – Мы же не знаем, что происходит, когда такая штука ломается, и почему она решила вдруг сломаться.

Словно в ответ на мои слова мы услышали далёкое и звонкое «КРР-РП!», через секунду нас едва не сбила с ног воздушная волна. Куда там «обнаружению невидимок» старшенького!

– Пойдём. – Надо сказать, меня самого слегка «потряхивало». Что, если бы эта штука взорвалась у Василисы в руке?! И тут меня как током ударило: второй кристалл, красный, который мы забрали со стола на базе! Тяжёлый рюкзак рухнул на пол, я судорожно сунулся в карман. Нет, не этот. Нашёл! Сунутый под луч фонаря, красный камень заиграл бликами на гранях, и всё. Прозрачный материал оставался цел и трескаться, похоже, не собирался. Или это потому, что мы не использовали его как лампочку?

Первым моим желанием было закинуть опасный предмет подальше. Вторым – отдать Егору. Его «подальше» сейчас было значительно большим, чем моё. Третьим... А почему бы и нет, пусть из младшей ещё тот «спец»?

– Вася, что с камнем-то делать?

Девочка было протянула руку к кристаллу, но тут же отёрнула. Виновато посмотрела на меня. Ясно. Я аккуратно положил на пол наше последнее возможное доказательство того, что мы тут по приглашению Наты, пусть косвенное, но уж какое есть. Распрямился, натянул лямки рюкзака на порядком истёртые плечи. И просто, молча, кивнул: пошли, мол. Пошли.

Батарея фонаря начала сдавать ещё через полчаса субъективного времени. Быстро так. Свет лампы прямо меркнул на глазах, обещая через считанные минуты оставить нас в темноте. Прибавили шаг, ещё прибавили, будто это могло что-то исправить. Василиса обречённо зажмурилась прямо на ходу и вдруг резко затормозила.

– Там! Впереди... там что-то есть!

– Кажется... – Егор попытался пронзить сгущающийся мрак взглядом. – Чёрт. Чёрт! Чё... О!

Я опять достал пистолет – пришлось убрать его, как только занял руки фонарём. На ощупь вытащил сигнальный патрон, с громким щелчком переломил оружие и загнал его. Постарался, чтобы ствол располагался параллельно полу коридора.

Ф-ф-ф-ф-ш-шух! – Красная ракета слепящей вспышкой унеслась вдаль и на излёте ударилась в преграду. Ещё одни знакомые створки броневорот.

Колесо кремальеры пришлось нащупывать и крутить в полной темноте. Из-за этого тусклый свет, пробивающийся через расширяющийся проход, мы заметили сразу. Егор, не дожидаясь, пока щель станет достаточно большой для меня, первым проскочил наружу и издал странный звук. Пришлось бросать рюкзак и протискиваться за Лиссой с пистолетом в руке. На детей я наткнулся сразу за воротами, оба стояли, глядя на явно переносной светильник. И на неподвижно лежащую в круге его света человеческую фигуру.

8

В первое мгновение мне показалось, что я вижу землянина – ни в форме фонаря, ни в спектре света, ни в позе, ни в одежде не было ничего «такого». По сравнению с костюмом-скафандром Наты из записи с красного кристалла, по крайней мере. Наверное, потому я без всякой опаски приблизился к мужчине, не выпуская из руки сигнального пистолета. В него я зарядил второй сигнальный патрон, на этот раз зелёный, убить таким очень сложно даже при выстреле в упор, во всяком случае, так было написано на форуме, где выложили инструкцию «допила» ствола до нелегального боевого оружия. Однако даже сигнальная ракета на небольшом расстоянии могла причинить тяжёлые телесные повреждения. Человек – это далеко не медведь. В общем, я был вооружён, а потенциальный противник или источник информации – как повезёт – подавал лишь слабые признаки жизни.

Наклонившись над незнакомцем, я заметил сразу несколько пропущенных вещей, может быть, потому, что глаза после нескольких минут полной темноты не сразу адаптировались к свету. Первое – одежда оказалась вовсе не такой простой. Материал куртки, например, напоминал ткань только издали, по фактуре же скорее пластик. Толстый гибкий полимер тоже имел признаки внутреннего армирования или просто плохо гнулся. Больше всего мне не понравились следы, напоминающие оплавленные подпалины на спине и рукавах куртки, и это, кстати, отчасти могло объяснить второе пропущенное при осмотре с нескольких шагов. С мужчиной явно что-то не так. Бледная, почти белая кожа, замедленное, неестественно-механическое дыхание и полужакрытые глаза, смотрящие в пустоту! Последняя замеченная деталь меня напугала, что уж там. Я резко дёрнулся назад, сжимая мгновенно вспотевшей ладонью ребристую рукоять успокаивающе-тяжёлого пистолета, и едва не налетел спиной на детей.

Егор и Вася застыли в трёх шагах от находки, закрыв глаза, в напряжённых позах. Именно так они раньше общались со своей пси-способностью и с «камнями». Я застыл, не понимая, как быть, ушедшие в транс дети могли делать сейчас что-то жизненно важное, и, скорее всего, это связано с лежащей на полу фигурой. Я наклонился к дочери и с ужасом обнаружил, как по её лбу скатываются всё более и более обильные капли пота. Схватил за плечи, намереваясь «разбудить», тут девочка с тихим стоном обмякла у меня в руках. Синхронный стон вырвался у старшего, но сын смог удержаться, всего лишь припав на одно колено и оперевшись руками о пол. Надо быстро валить отсюда – вот только вперёд или назад? Сзади точно нет выхода, но впереди может ждать что-то более опасное.

– Папа, стой. Нет угрозы.

Дочь едва прошептала сказанное, но я почему-то сразу ей поверил. Действительно, никакой угрозы. Помог девочке сесть на пол, в одно движение, в который раз за этот безумный день, скинул рюкзак, подобрал упавшую ракетницу, – слава богу, не выстрелившую. А теперь...

– Он – кристалл. – Василиса нашла в себе силы открыть глаза и даже бледно улыбнуться – буквально тенью своей обычной улыбки. – Этот мужчина.

Чтобы переварить это простенькое утверждение, потребовалась пара секунд, и снова дочь опередила меня, заговорив раньше, чем я сформулировал вопрос и открыл рот.

– Он под действием своеобразного наркотика, который ввёл себе сам. Доза позволяет стать хозяином своих мыслей, предельно структурировать память и сознание, а ещё делает его разум доступным для нас. Для псиоников.

– Он потому и пришёл сюда, в своё тайное место, – внезапно подал голос старший. – Псион мира приносит видения, создаёт безумные образы, а он лишь хотел вернуться в прошлое. Ещё раз. В который раз. Да, зовут его Мерх, и таких, как мы, в его памяти называют не «псионики», а «имперцы».

Наверное, было очень глупое выражение лица, когда до меня дошло, КАК дети получили информацию.

– Под действием эта штука называется грань, он для нас как открытая книга, как кристалл с записями, только их очень-очень много. И... Нет, пап, мы даже здесь не можем читать мысли обычного человека, мы чувствуем тебя и угадываем! – Егор, несмотря на бледность, самодовольно ухмыльнулся и тут же побелел ещё сильнее, в его глазах я увидел самый настоящий страх. – Н-нет.

Я резко дёрнулся, оборачиваясь и вскидывая оружие, в очередной раз матеря себя на все лады, что не сменил патрон на пулевой, но за моей спиной всё было по-прежнему: лежащее тело, светящая лампа. Резко обернулся назад к сыну:

– Что?!

– Мы с Лиссой его только что убили!

9

Я, наверное, всё же плохой отец. Счастливцев в браке, хороший, смею надеяться, муж, но как родитель не самый худший, очевидно, но... Хороший отец всегда знает, как вести себя с отпрысками, а дети чувствуют себя за ним как за каменной стеной. Всегда. Мы с Натой с самого начала поделили обязанности – я работаю, она смотрит за детьми и домом. Так сложилось само собой, а потом не нашли причин что-то менять. Зачем? Я пытался общаться с мелкими больше, но две работы оставляют не так много свободного времени, а хочется ещё и с любимой побыть наедине. Мы с женой старались вместе решать воспитательные задачи, показывали, насколько серьёзно воспринимаем Егора и Василису «как взрослых», объясняли, помогали в учёбе, разбирались с проблемами, но нужно быть честным перед самим собой, в общении с детьми я всегда был в роли ведомого обожаемой супруги. Да и вообще никогда не отстаивал позицию главы семьи. Нам с Натой даже в голову не приходило, что роль командира ячейки общества нужно как-то определять или делить! Как-то всегда само получалось, и я слишком привык к этому «само». А последние события, в которых дети проявили себя с лучшей стороны, вдвоём подставив плечо там, где я привык опираться на помощь любимой, подспудно убедили меня, что они уже повзрослели.

– Идиот! – Для того чтобы добраться до брата, Василисе пришлось буквально проползти на четвереньках, сил встать не было. Пощёчина вышла совсем слабой, Егор только покачулся, но выражение лица разительно поменялось.

– Вася?

– Идиот! Он сам себя убил, не видишь, что ли, он на этой дряни сидит уже несколько лет. И прихватил с собой все порции «грани», какие у него были, чтобы колоть столько раз, сколько придёт в себя! Он тут уже четвёртые сутки валяется! Его личность уже была готова развалиться без внешнего воздействия. Он сам с собой это сделал, а не мы!!! – Последние слова дочь практически проорала, если можно орать срывающимся шёпотом. Тем сильнее оказался контраст, когда девочка совершенно спокойным голосом закончила: – И мы обязаны воспользоваться его жертвой, иначе она будет напрасной.

– Что? – Егор удивлённо хлопнул глазами.

– Что слышал. – Силы и голос постепенно возвращались к младшей. – Ты сканировал его... Мерха вместе со мной. У него в голове то, что нам нужно: язык, грамота, местные расклады. Где что находится, кто здесь главный. Как я уловила, выход из базы далеко в пустыне. У него какой-то транспорт здесь где-то есть, а мы даже не знаем, как им управлять. Ну, сообщай уже быстрее!

– Н-но... – Кажется, сын шокирован точкой зрения сестры на события сильнее, чем «убийством». Мальчик с каким-то новым выражением лица перевёл взгляд на лежащего на полу наркомана, потом на сестру. – Мы просто так это возьмём и сделаем?

– Я не хочу умирать здесь в компании с этим Мерхом. – Вася прищурилась, будто всматриваясь в рекомое тело, и сморщилась, потирая висок. – Воды тут нет, еды тоже. Этот привёз небольшой запас и спрятал. Ай!

Егор бережно обхватил сестру за плечи и прислонил к плечу. Тихо резюмировал:

– Я думаю, это оттого, что мы слишком много информации пробуем осознать, мозги не справляются...

– Нужно по кусочкам. – Василиса рукавом отёрла лоб. Рука заметно дрожала.

– Мы не успеем даже за сутки, тут работы на несколько лет. А его сознание без личности скоро начнёт угасать.

– Мама записывала информацию на кристалл из своей головы, структурировала и записывала, а здесь уже структуризация проведена, единственную нелинейность мы сломали. Про-

сто перенести, не осознавая. Кристалл у нас остался. – Она слабо мотнула головой в сторону приоткрытых ворот.

– Он может взорваться, как и большой. – Егору идея совершенно не нравилась. – И потом, что это нам даст? Осознавать всё равно придётся по кусочкам и очень долго, если переписать вообще получится.

– Получится. – Василиса с усилием отлипла от плеча брата, села ровно. – Это единственный шанс. Нам невероятно повезло наткнуться на этого, нужно воспользоваться возможностью. Иначе маму просто не найти!

– И что делать?

– Вот я и думаю...

– Я знаю, что делать, – вмешался я в спор детей.

Пока они обсуждали обстановку, я боролся с мучительным ощущением полной нереальности происходящего и одновременно с ещё более болезненным ощущением собственной бесполезности. У меня нет таланта к псионике, Ната говорила, что это генетический дар, в популяции людей довольно редкий. И что вообще полюбила меня за другой талант. Мне вдруг вспомнилась та ночь – пьяная пятёрка гопников, только теперь, с высоты своего возраста и опыта, я осознавал, для Наты я мог быть там полезен лишь как отвлекающий манёвр. Живой щит или, как говорят, мясо. Когда пятеро на одного – мышцы не решают, нужно оружие и умение им владеть. Но если оружия нет, то своей болью ты можешь купить несколько лишних шансов тому, кто способен совладать с противником. Я не мог помочь детям сейчас, в мире наверняка других, ушедших вперёд технологий, без пси-способностей, почти без оружия и умения применять даже то, что есть. Но я по-прежнему мог стать «мясом», живым щитом, только на этот раз не от людей, а от сложившейся ситуации. В положении или «все рискуют умереть», или «я рискую больше других, но, в случае выигрыша» у меня даже сомнения не возникло, что выбрать.

– Если я правильно понял, наркотик, как его, «грани», разработан имперцами для работы с памятью человека, верно?

– Па-ап.

– Дальше. – Я сделал знак не перебивать меня. – Этот препарат опасен, но не летален, человек после применения возвращается примерно в то же состояние, в котором был, так?

Егор машинально кивнул, Василиса нахмурилась.

– И последнее. Вася может переписать информацию не осознавая, это тоже я правильно понял?

– Отец!

– Папа!!! – Дети, несмотря на слабость, синхронно вскочили. – Ты же не...

– Дозировку вы можете считать у Мерха в голове. Я принимаю препарат, Лисса переписывает мне память донора, сколько получится, потом действие прекращается, и вуаля. Информация сама «распакуется» в моей голове. Ну, по вашим словам, вы настолько хорошо меня знаете, что *угадываете* мои мысли. Так что, надеюсь, не сотрёте любимому папе в мозгах что-нибудь ненужное.

Дети смотрели на меня огромными глазами, в них смешалось столько всего, что я и не пытался угадать отдельные эмоции. Зато сам, на удивление, испытывал не страх и опасения за исход процедуры, придуманной «на коленке». Нет, меня распирала идиотская гордость. Смогу! Всё-таки смогу защитить детей. Ната будет мной гордиться, если... КОГДА мы её найдём!

Часть вторая. Борьться и искать⁶

10

У меня никогда раньше не было опыта приёма наркотиков. Впрочем, едва ли «грань» можно считать наркотиком в прямом смысле слова – психотроп, вводя человека в изменённое состояние сознания, вовсе не вызывал чувство невероятного наслаждения. А вызывал он... боюсь, нужных слов описать, что я почувствовал, находясь под воздействием допросной химии имперцев, я просто не подберу. Словно ты проваливаешься сам в себя, твоя голова изнутри становится похожа на железнодорожный вокзал, смешанный с многоярусным автоматизированным складом и библиотекой. Тебе доступна любая часть памяти, более того, ты можешь выгрузить её на виртуальный поезд в виде мешков, ящиков и прочей тары и перевезти в другое место. Например, поместив воспоминания в оперативную зону, вспомнить что угодно настолько подробно, насколько это вообще возможно. С эффектом максимального присутствия. Это «безобидное развлечение», повторяемое раз за разом, сломало разум Мерха, причем, с головой у него и так было не всё в порядке. На земные годы мужику было шестьдесят пять (!!!), а он, видите ли, посчитал, что жизнь кончена. Эмо-инфантил хренов. Проблемы на работе, никому не нужен, живёт один, интроверт, ни с кем не общается, старается всё делать в одиночку, скорбит втихаря о старых добрых временах и страдает от того, что жизнь не удалась.

Знаете, что Мерх раз за разом вспоминал с таким упорством? Свою учёбу в инженерно-технической академии на Соноре! Чем-то это очень престижное учебное заведение, не носящее приставки имперское только по причине расположения и смешанности преподавательского состава, набранного с мира по нитке, напоминало старые советские вузы. В академии охотно учили бесплатно, но потом, будь любезен, отработай по распределению и не жалуйся на зарплату. Мерха отправили сюда, на Каллигу, где он провёл последние сорок лет. Надо сказать, студенты в академии даром что принадлежали к высокоразвитой технической цивилизации, охватывающей множество звёздных систем, вели себя ничуть не лучше каких-нибудь прорвавшихся из глубинки на бюджетное отделение московского вуза молодых идиотов без тормозов. Пили, гуляли, куролесили и Мерха регулярно втягивали в свои приключения, не без последствий для оного. С «гранью», например, будущий технический специалист познакомился на допросе в службе социальной защиты Сонора. Что для этого нужно было учинить, я так и не понял: от постоянного «перекладывания» части студенческих воспоминаний в оперативную зону памяти ассоциативные связи между событиями разрушились, что и стало основной причиной деградации личности.

Всё это я узнал уже потом, когда мучительно приходил в себя, лёжа на спальнике в том же помещении, где мы нашли этого донора. А до этого передача воспоминаний «изнутри» выглядела так: внезапно обнаруженная рельсовая ветка, тянущаяся от здания вокзала-склада моего сознания куда-то в белёсую бесконечность, и приближающаяся бесконечная вереница товарных вагонов, платформ и цистерн, загруженных разномастной тарой без локомотива. Следующие часы? дни? недели? я провёл, ежесекундно пытаясь распределить этот бесконечный поток по веткам и тупикам сознания, сначала успевая как-то сортировать, потом уже как попало, лишь бы были свободные места. В какой-то момент вместо одной входящей колеи к моему

⁶ Здесь и далее в качестве названия частей текста использованы отрывки стихотворения Теннисона «Улисс».

мозгу подключилось аж шесть. Дочь каким-то образом догадалась или поняла, как делать первичную сортировку, и стало легче, несмотря на возросшие объёмы трафика. Через бесконечность времени загрузка завершилась, и я попытался понять, что именно мне досталось и, по возможности, рассортировать полученное. Тут действие «границ» кончилось.

Объективно сознание просто возвращалось из состояния неестественной структуризации в естественное. Субъективно же я почувствовал себя перчаткой, которую выворачивают наизнанку! Уверен, испытай донор хоть раз подобное, вмиг растерял бы желание помирать, поскольку его воспоминания просто вернулись на свои места. А у меня был огромный объём информации, который раньше отсутствовал. Причём информации... гм, ну пусть – архивированной... разобрать и разгрузить я успел самый мизер. Контроль над механизмами собственной памяти я уже утратил, зато подсознание, напротив, проснулось и, подчиняясь вложенному эволюцией механизму, постаралось разом обработать новые колоссальные массивы данных. Дальше я просто валялся в бреду. Смутные воспоминания о видениях, испуганных, странно искажённых лицах Егора и Васи, о том, как мне протирают губы влажным платком и пытаются напоить.

Когда я окончательно пришёл в себя, обнаружил сразу несколько вещей. Во-первых, я всё ещё лежал в кругу света лампы Мерха. Во-вторых, я был гол, аки младенец, и завернут в определённо очень неприятно воняющий продуктами человеческой жизнедеятельности спальный. В-третьих, я попытался оторвать голову от импровизированной подушки и невольно застонал. Страшная слабость не давала даже нормально пошевелить рукой. Ко всему прочему, «ныла душа». Попытавшись разобраться в последнем, я едва не выматерился вслух, вместо этого меня пробил приступ сухого кашля.

Мерх, сволочь, ну, спасибо тебе за прощальный подарок! Только чужой многолетней депрессии мне и не хватало!

– Папа!

– Папа!!! – Глаза Егора подозрительно блеснули, Василиса ревела в три ручья, даже не пытаясь это скрыть. Облегчённо ревела. – Ты кашлял, пей, вот, пей!

– Спа...сибо. – После горячего «пакетикового» бульона у меня даже голос прорезался, и проклятая слабость постепенно начала отступать. – Долго я так здесь?

Дети замаялись, я с опозданием понял, что средств измерения времени у нас не осталось, а под землёй закатами и рассветами не полюбишься. Проклятье! Только сейчас сообразил, через что заставил пройти собственных детей, мало того что валялся почти как мёртвый, так ещё и протекает это бесконечно долго, без привязки к суточным ритмам природы восприятие времени обычно начинает чудить.

– Дайте мне шанду, проверю по таймеру, – попросил я и наткнулся на два удивлённых взгляда. – Ну, шанду. Мы его ещё за фонарь приняли поначалу. Далеко стоит, мне пока не дотянуться самому.

Первым выражение лица сменилось у сына. Сначала недоверчивое, а потом...

– Получилось. Вася, у нас получилось!

Что получи... Тут я осознал, что меня никто не учил работать с портативной системой биологической очистки, не знаю с детства дереш – «эсперанто» местной цивилизации, да и имперский на курсах в академии не учил. Некоторые знания вообще легли так, что я не мог их разделить, например, принципы построения распределённых компьютерных сетей на Земле и здесь совершенно идентичны (разумеется, реализация отличалась). Я «вспомнил» ещё кое-что и опять раскашлялся, организм «не потянул» смех. Выпив несколько глотков чая, я немного успокоился и сообщил детям:

– Мерх, кха! Мерх – это не имя, даже не прозвище. Это жаргонное название профессии, вроде нашего слесаря и электрика, только ещё и компьютеры чинит. Вот кем надо быть, чтобы самого себя даже мысленно так именовать?

11

Г-гадкая штуковина! Это я про шанду, если что. На самом деле, незаменимый девайс для очистить чего-либо от излишней, гм, биологии. Судя по отдельным ассоциациям, возникающим у меня, часть приборов, с которыми работал безымянный мерх, находилась там, куда лично я не полез бы без плазмомёта. Тьфу ты, опять «наложенная память» прорывается. В том числе, с помощью шанды можно помыться, в смысле «помыться». Что-то вроде пресловутого «ионного душа», к месту и не к месту поминаемого в космофантастике. Выставляешь самую малую толщину проникновения и просто водишь активной зоной над телом, отшелушивая вместе с грязью верхнюю часть ороговевшего слоя кожи. Провести несколько раз безопасно, увлечёшься одним местом или задумаешься, можно кожу до мяса снять. Бр-р! Зато не надо тратить дорогую воду, потом просто щёткой почистился и стряхнул с себя обезвоженную пыль, главное не забыть очки надеть перед началом процедуры, иначе можно и глаза повредить. Ну, или если совсем по-мажорному, использовать тонкоплёночный полимер, распыляемый из баллончика и насмерть цепляющий на себя всю грязь, в этом случае шанда счищает плёнку, не укорачивая и утончая, например, волосы. Полимер, по-русски шампунь, мне пришлось растратировать, дабы отмыться. Дети, после того как я, скажем прямо, обделался, раздели и обтёрли меня, как могли. К счастью, одевать не стали, завернули в спальник, который теперь годился на выброс. Впрочем, учитывая, что в состоянии «бревно» я пробыл пять земных суток, всё совсем не так плохо. Более того, вообще чудесно, поскольку после переноса памяти я мог не выжить или остаться дебилом. А запах что? Шампунь и шанда. Чувствовал я себя при этой процедуре примерно так же, как человек, бреющийся скальпелем, н-да. Ну, донор памяти проделывал такое каждый день уже десять последних лет, и ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.